

18+

Валентина Карпушина

*Закон
бумеранга*

Валентина Карпушина

Закон бумеранга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71361217

ISBN 9785006493070

Аннотация

Роковая женщина – кто она? Большинство представительниц прекрасной половины человечества в тайне хотят быть похожей на неё, думая, что весь мир будет лежать у их ног. Но роковая женщина – это личность, сильная, верная себе и своим принципам. В то же время она добрая, жертвенная и полная сострадания. А главное – при одном взгляде на неё становится ясно, что она может дать столько любви, сколько никакая другая. Она так наполнена ею, что в этой любви хочется утонуть и забыть обо всём навсегда.

Содержание

Закон бумеранга	5
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Закон бумеранга

Валентина Карпушина

© Валентина Карпушина, 2024

ISBN 978-5-0064-9307-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Закон бумеранга

Роман

1 глава

В начале декабря мне исполнилось двадцать два года и я решила: «Пора»! Гормоны бушевали во мне до такой степени, что поговорка «уж замуж невтерпёж», была как раз про меня. Но девушка я была непорочная. Да ещё воспитанная в лучших традициях литературной классики.

– Умри, но не дари поцелуя без любви, – частенько цитировала мама слова одного известного писателя, когда я делилась с ней своими любовными планами.

И я была полностью согласна с ней. Поэтому, чтобы утолить основной инстинкт, абы с кем, ложиться в койку я не желала. Поскольку считала, что сначала мой избранник должен за мной поухаживать. Без конфетно-букетного периода и любования на звёзды и Луну я не представляла развитие дальнейших отношений. Мне нужно было ощутить, что мужчина, который понравился мне, не просто горит желанием увидеть меня лежащей на спине, но любит и уважает меня. Только без трепетных вздохов и прогулок, держась за руки, этого не могло произойти.

А уж первый сексуальный опыт однозначно ассоциировался у меня с первой брачной ночью, предшествовавшей

ей свадьбой и обменом обручальных колец во Дворце Бракосочетаний. Ведь я хотела, чтобы всё в моей жизни складывалось красиво, как в любимой мной повести Александра Грина «Алые паруса». Я искренне верила, что где-то на свете живёт мой капитан Грей, который только и думает о том, как бы ему поскорее найти меня и исполнить все мои мечты. Я ни капли не сомневалась, что чудеса люди способны делать сами, лишь бы на то было желание и силы. А сил у меня было, хоть отбавляй. Я верила в себя и хорошо знала себе цену. Ведь что греха таить? Внешне я так походила на известную всем итальянскую кинозвезду, что меня даже с ней частенько путали на фотографиях. Поэтому воздыхателей у меня было, хоть отбавляй. Но все они вели себя несерьёзно. Не успевала я оглянуться, как меня мой доморощенный ухажёр, затащив в укромное место, пытался зажать где-нибудь в тёмном углу. И всё! А я мечтала о любви. И не какой-то там! А неземной. Поэтому о банальной случке с кем бы то ни было, не могло вестись и речи.

«Мой избранник будет необыкновенным, умным и зрелым человеком! – мечтала я, – не то что эти юнцы, у которых есть одна извилина и та в паху».

А потом я пыталась представить его, мужчину моей мечты.

«Он будет красив как греческий бог, у него будут синие глаза и светлые вьющиеся волосы, – думала я, – хорошо бы ещё, конечно, чтобы он жил от нас с мамой недалеко, чтобы

мы могли с ней надолго не расставаться».

Почему именно такой образ подкидывало мне моё воображение, я не знала. Но образ этот мне очень нравился.

– Ну твой Грей может оказаться не таким уж и сказочным принцем, – однажды после того, как я поделилась с мамой своими мечтами, усомнилась она, – ведь на самом деле он – настоящий пират, пропахший табаком и ромом, не гнушающийся крепким словцом и, вполне возможно, даже рукоприкладством.

Но я была уверена, что с такими нежными барышнями, как я, даже прожжённые пираты себя не ведут грубо.

– Нет, – возразила я, – он не может быть таким. Ведь Артур Грей – это неисправимый романтик. Он вряд ли посмел бы обложить непристойными словами и ударить Асоль. Да и повода у него не нашлось бы. А то, что от него пахло табаком – не беда. Да и ромом – тоже. Он же не был алкоголиком.

Маму я очень любила, можно сказать, боготворила. Она была во всём мне примером. Поэтому я всегда прислушивалась к тому, что она говорит. Но в данном случае я не была согласна с ней.

Глава

Так прошла зима, которая ничего нового не принесла в мою жизнь. Дни были похожи один на другой, словно близнецы. Мне было так скучно, что не хотелось ходить ни в ки-

но, ни на танцы, где в основном можно было встретить или выпивох, или не в меру озабоченных юнцов. Пьяниц я на дух не переносила на генетическом уровне, а дураков тем более.

Но зима какой бы длинной ни была, всё-таки закончилась и пришла, наконец, весна. Еще вчера на улице трещал мороз, а сегодня вдруг солнце с небес дыхнуло на землю так горячо, что сугробы как-то сразу вдруг осели и начали подтекать, словно брошенные на землю скомканные мокрые тряпки. Из-под них засочились кривыми струйками ручейки, а асфальт покрылся осколками неровных луж. Небо стало светло-голубым, словно доньшко пластиковой бутылки из-под минералки. По нему поплыли стайки тонких облаков, похожие на ватные ворсинки, размокшие в воде. Отогревшиеся после зимы птицы, очнулись от наступившего тепла и заверещали на все голоса, подавая сигнальные свистки, словно открывая движение на улице с названием «Весна». Слушая их гомон, ворвавшийся через форточку в квартиру, у меня вдруг перехватило дыхание. Неожиданно я почувствовала приближение неминуемой любви. Запахи талой воды и влажной земли были настолько дурманящими, что душа замерла от восторга. А может это произошло оттого, что зима не пахнет, и теперешний шквал забытых ароматов, так сильно взбудоражил моё воображение. Мне ужасно захотелось вдруг пойти на улицу погулять. Только пойти мне было не с кем. Ведь пока я пребывала в ожидании своего капитана Грея, я незаметно для себя растеряла всех подружек.

Одни из них, забеременев, вышли замуж, а другие разъехались, кто куда. Им наскучило однообразие загородной жизни. И хоть санаторий, при котором мы жили и трудились считался одним из лучших в Подмосковье, перспектив здесь было недостаточно, чтобы достигнуть чего-либо в карьере или в личной жизни.

– Ты не против пойти со мной погулять? – предложила я маме, – смотри какая погода хорошая стоит!

– Пойдём, – обрадовалась она, услышав моё приглашение, – я так рада буду подышать свежим воздухом. А то надоело сидеть, словно затворнице, в четырёх стенах.

Моя мама была очень одиноким человеком. В браке с моим отцом она состояла совсем недолго. Они были слишком разные, чтобы прожить вместе всю жизнь. Мама была скромной женщиной, а отец наоборот – любителем шумных кампаний и застолий. Он прекрасно играл на гитаре и на аккордеоне, а так же хорошо пел. Короче всегда был в центре внимания. Маме же приходилось учиться в медицинском институте и одновременно заниматься мной. Поэтому сил на походы по гостям у неё просто не оставалось. В итоге отец закрутил роман на стороне, который привёл к разводу. Но после него повторно выйти замуж у мамы не получилось. Она встречалась и расставалась с разными мужчинами, но в ЗАГС никто из них не торопился её отвести. Причины было две: либо её избранник был женат, либо занимал слишком низкую социальную ступень. И в том, и в другом случае все отношения

сводились к убогим свиданиям, которые не давали маме ни радости, ни любви.

Но несмотря на свои бесконечные фиаско на личном фронте, мама всё равно свято верила в то, что когда-нибудь встретит настоящую любовь. А пока она пребывала в этой вере, всю свою неизрасходованную нежность она обрушивала на меня. Не жалея сил и времени, она неустанно занималась моим воспитанием. В первую очередь, мама придавала очень большое значение моему всестороннему развитию. Она была прекрасным рассказчиком. Зная о том, что я не очень люблю тратить время на чтение книг, она часто рассказывала мне всякие интересные истории или декламировала стихотворения любимых поэтов, прививая тем самым мне вкус к высокому слогу. В итоге я сама стала писать неплохие стихи и рассказы, которые неоднократно печатались в местной газете. Также она давала мне всевозможные советы, но не настаивала ни на чём. А я эти советы или принимала, или нет. Единственное, что требовалось от меня – это предупредить, куда я пошла, и являться домой не позже десяти часов вечера. Все эти требования я неукоснительно выполняла. Ведь я очень любила и уважала маму, поэтому не могла её ослушаться. Правда я порой готова была пожертвовать общением с друзьями, ради неё. Ведь с ней было так интересно! Мама умела создать такую атмосферу, что никакое другое времяпровождение не могло сравниться с ней. Например, в наши дни рождения мама организовыва-

ла посещение ресторана, а после него мы отправлялись в театр на какой-нибудь модный спектакль или на концерт. Это было гораздо интереснее, чем толкаться в нетрезвой толпе сверстников на дискотеке.

За праздничной трапезой в ресторане мама учила меня правилам поведения в приличном обществе, думая, что я обязательно однажды туда попаду.

– Дочка, если тебя станут приглашать на обед, то ты должна будешь уметь пользоваться столовыми приборами, – говорила мама, показывая, как это делается.

Позже, слушая оперу в Большом театре, я заметила, как глаза мамы увлажнились. Перехватив мой взгляд, она на ухо прошептала мне:

– Эту арию я пела тебе вместо колыбельной, когда ты была ещё совсем крошкой.

«Всё же моя мама – необыкновенная женщина, – подумала я, растроганно улыбнувшись ей в ответ, – петь вместо „баю-бай“ партию Нормы – это высший пилотаж»!

Видимо, по этой причине моя мама и была одинока. Она попросту не вписывалась в общество своих сверстников. Несмотря на то, что большинство из них имели высшее образование, образованными они не были. Любовь мамы к искусству, возвышенные взгляды на жизнь ставили их в тупик и вызывали всевозможные комплексы. Стройная, зеленоглазая с копной густых чёрных волос, она обладала мягкой походкой и приятным тембром голоса, который отдалённо

напоминал мурлыканье кошки. Неспроста в наших пенатах мою мать за глаза называли Пантерой. И это прозвище как нельзя лучше подходило к ней. Её красота и манила, и отталкивала одновременно. А особенно мужчин. Кроме того в ней была видна порода. Не даром она являлась потомком древнейшего аристократического рода, корни которого уходили в далёкие века. А такой красоте, надо было соответствовать. А ни желания, ни силёнок у противоположного пола на это не было. Поэтому большинство мужчин воспринимали достоинства моей родительницы как укор их несовершенству. Вот и томилась она в одиночестве, оплакивая свою несчастливую личную жизнь. А ведь ей было уже за сорок и, как известно, для одинокой женщины такой возраст бывает, своего рода, критическим. Он является временем подведения итогов прожитой жизни и попыткой осознать дальнейшую судьбу. А эти итоги мою мать совсем не радовали.

– Ты даже не представляешь, как страшно стареть! – в приступе отчаяния однажды воскликнула она, горько заплавав.

– Ну, что ты! – погладив маму ладонью, по вздрагивающей от рыданий спине, попыталась я её утешить, поймав себя на мысли, что она в этот момент, словно хоронит свою несчастливую личную жизнь, – не плачь пожалуйста.

Не в силах вынести как мама убивается из-за своих нереализованных женских возможностей, я попыталась её подбодрить:

– У тебя есть я. И я очень тебя люблю, мамочка.

После моих слов она успокаивалась ненадолго, а потом через какое-то время опять впадала в отчаяние. Поэтому я старалась не оставлять маму надолго одну. Но мне это было совсем не в тягость. Мне очень нравилось общаться с ней. Нравилось слушать рассказы о прожитой жизни. А ещё я читала ей свои стихи. Маме они очень нравились. Правда, она считала, что настоящего поэта из меня никогда не получится. Но тем не менее с удовольствием слушала мои поэтические творения во время наших прогулок.

– Под твои стихи хорошо думается, слова в них, словно ручеёк журчат, – как-то раз сказала она, а потом спросила, – они кому-то посвящены?

– Да, – ответила я, – посвящены.

– И кому же, если не секрет? – поинтересовалась мама.

– Одному моему бывшему однокласснику, – украдкой вздохнув, сказала я.

– А! Виталию! Помню-помню. Ты была в него сильно влюблена, – улыбнулась мама, а потом назидательным тоном добавила, – первая любовь – это как первый снег. Она быстро проходит.

– Да, – согласилась я, – но стихи остаются.

3 глава

Апрель не радовал в тот год весенним настроением. Весна наступала вяло, словно и вовсе не хотела наступать. Жизнь

завязла во времени, словно в густом киселе. Ежедневно, словно по заученному сценарию, я отправлялась на работу, открывала кабинет, и приступала к своим привычным обязанностям в отделении медицинской диагностики.

Но в этот день с самого утра, события пошли совсем по иному сценарию: по неизвестной причине на процедуру, которую я проводила, ко мне почему-то никто не явился.

«Конечно, работа не волк, и её лучше не догонять», – резонно подумала я, никого не обнаружив за дверью.

А потом решила немного подождать, надеясь, что опоздавшие пациенты всё-таки придут. Но прошло полчаса, но так ничего и не изменилось. Поняв, что ждать больше нечего, я решила выяснить, в чём всё-таки дело, и отправилась к начальству.

– Где мои пациенты? – деловито спросила я, войдя в кабинет старшей медсестры.

– В смысле? – не поняла она меня.

– Никто ко мне на приём сегодня не пришёл, – пояснила я.

– Как это никто не пришёл?! Я назначала! – возмущённо воскликнула она, с важным видом открыв толстую амбарную тетрадь, в которой, по старинке вела записи, и с удивлением уставилась на девственно-чистый лист.

Мне тут же стало ясно, что произошло: она почему-то забыла составить список пациентов на обследование.

– Ну, ладно! Запомню я, со всяким такое может случиться! – примирительно сказала она, поспешно закрывая

тетрадь, а потом строго добавила, – А ты всё равно не вздумай бить баклуши, и пока у тебя нет приёма, займись генеральной уборкой.

После её приказа я безропотно отправилась восвояси и с энтузиазмом принялась драить стены и окна в своём медицинском владении. Но, несмотря на внушительный объём работы, после того, как я его одолела, мне всё равно заняться было больше нечем. Поэтому я вынуждена была коротать, оставшиеся до конца рабочего дня часы, одиноко тоскуя на стуле, не зная, что мне ещё такое сделать, чтобы время не так тянулось.

Так совпало, что этот день был днём выдачи зарплаты. Как это ни странно, но я никогда не ходила за ней сама – в это время у меня полным ходом шёл приём. Поэтому зарплату мою и свою, всегда получала мама. Против чего я никогда не возражала. Ведь наш семейный бюджет вела исключительно моя мать и все, заработанные мною деньги, всё равно попадали в её кошелёк. Вот я и не парилась по этому поводу.

Но сегодня, когда мама заглянула ко мне в кабинет, чтобы перекинуться парой слов, и, увидев, что я маюсь от безделья, она предложила:

– Давай прогуляемся в административный корпус, раз тебе всё равно нечем заняться?

– Давай! – воскликнула я, уцепившись за такой прекрасный повод с пользой дела скоротать рабочий день до его окончания, и чуть ли не вприпрыжку, последовала за ней.

Правда деньги нам с мамой не удалось сразу получить, потому что их ещё не привезли. Поэтому я уселась в уютном холле, расположенном здесь же, в удобное кресло. А мама пошла с отчётом к главному врачу, возле приёмной которого, томилось несколько человек, пришедших сюда по своим делам. От нечего делать я стала бездумно рассматривать их. Мой скучающий взгляд задержался на одном из мужчин, выделяющегося среди небольшой кучки посетителей изысканной красотой. На вид ему было около тридцати лет. Это был высокий молодой человек с вьющимися пепельно-русыми волосами и пронзительно-синими васильковыми глазами.

«Где я видела его раньше»? – подумала я, встретившись с ним взглядом.

Незнакомец тоже обратил на меня внимание. Мало того, он принялся так пристально меня рассматривать, что мне стало неловко.

«Наверное, у меня что-то не в порядке с одеждой! – испугалась я, – Может, поехала стрелка на колготках или что-то еще в том же духе»?

В поисках, незамеченных мной огрехов, я решила осторожно осмотреть себя. Но я быстро убедилась в том, что колготки целы и одежда в норме.

В этот момент из кабинета главного врача вышла мама. Увидев странного незнакомца, она неожиданно обратилась к нему с приветствием, и они мило защебетали. Пару ми-

нут спустя, прервав беседу, мама повернулась ко мне лицом и сказала, представив меня незнакомцу:

– Это моя дочь.

После её слов, его лицо сначала вытянулось от изумления. Затем, сверкнув синими глазами, он широко улыбнулся и сказал мягким баритоном человека, редко повышающего голос на окружающих людей:

– Очень приятно.

«Мне тоже», – подумала я, но вслух ничего не сказала.

– А мы с Вами немного знакомы, – понизив голос, придав ему немного сексуальности, продолжил незнакомец, – Когда я отдыхал нынешней зимой в вашем санатории, я видел Вас на танцах.

«Ах, вот почему его лицо мне показалось знакомым! – дошло до меня, – На танцах»!

– Вы прекрасно двигаетесь под музыку, – между тем, похвалил он меня, искусно играя тембром приятного голоса, – Я хотел Вас пригласить на вальс, но постеснялся: Вы так гордо держались, что я не посмел приблизиться к Вам.

Тут в разговор вклинилась мама, всё это время не спускавшая с него глаз, с не очень уместным, на мой взгляд, вопросом:

– Как Ваша жена поживает, Сергей Васильевич?

«Надо же! – подивившись, подумала я, – Сергей Васильевич! Прямо, как Рахманинов»!

Тут же, заговорив нормальным тоном, он пожал в ответ

плечами и, досадливо раскинув в стороны руки, сказал:

– А я развёлся.

После такого признания мне почему-то стало очень жалко Сергея Васильевича.

«Бедный, – подумала я – Как же ему не повезло»!

– Вы не расстраивайтесь, ещё найдёте себе невесту! – пытаюсь подбодрить его, сказала я.

– Вас, например, – склонив набок кудрявую голову, пристально глядя мне в глаза, мягко произнёс он, снова придав голосу бархатные модуляции.

«Ох! – ужаснулась я, – он решил, что я навязываюсь ему в невесты»!

– Что Вы! Я не себя имела в виду! – смутившись, воскликнула я, – у меня и в мыслях нет ничего подобного!

В этот момент в холле произошло оживление. Как выяснилось – это доставили деньги из банка. Наскоро попрощавшись с Сергеем Васильевичем, мы с мамой, наконец, пошли получать зарплату. А к вечеру я благополучно забыла о новом знакомом.

4 глава.

После работы мы с мамой, обычно, отдыхали. А перед этим, изрядно проголодавшись, первым делом, принимались за трапезу, которая состояла из нескольких бутербродов да пары стаканов сладкого чая или кофе. Правда, в маленьком холодильнике с крошечной морозилкой ничего больше

и не было. На полках стояла фарфоровая маслѐнка, расписанная аляповатыми цветами, лежал начатый батон варѐной колбасы и большой кусок сыра. А в деревянной хлебнице, стоящей на кухонном столе, ждал своей участи немного зачерствевший батон белого хлеба. Так что при всѐм желании приготовить нормальный обед было не из чего.

– Много есть нельзя! – чтобы оправдать стойкое нежелание становиться к плите, внушала мне мама, – Особенно суп и картошку с макаронами, потому что эти продукты очень портят фигуру. Поэтому, чтобы оставаться стройной, необходимо ограничить употребление каш и мучных изделий. Вместо них можно смело есть сыр и колбасу в неограниченных количествах, поскольку они являются чисто диетическими продуктами, и от них лишний вес никогда наберѐтся.

Я не спорила с ней, потому что ничего зазорного не видела в такой вот бутербродной диете. Будучи полностью уверенная в том, что делаю всѐ возможное на благо своей стройности, я без лишних колебаний отрезала от батона нехилый кусок белого хлеба, густо намазывала его сливочным маслом, а затем накрывала его изрядным куском сыра или колбасы и отправляла сей гастрономический «шедевр» в рот, несколько не сомневаясь в правильности маминых рекомендаций. После такой трапезы я на часик укладывалась спать. То же, как говорила мама, для того, чтобы сохранить, как можно дольше свой внешний вид наиболее привлекательным.

Проснувшись, я опять принималась за бутерброды, ужиная, таким образом. А потом всё это заедала шоколадными конфетами, которых у нас в доме было немеряное количество. Внутри кухонных шкафчиков коробки с шоколадным лакомством лежали в прямом смысле штабелями. Это были подарки нам с мамой от благодарных пациентов.

Ближе к вечеру я убегала в клуб на танцы или в кино. А мама, пока я развлекалась, поудобнее устроившись в любимом кресле, с головой погружалась в чтение очередного романа.

Она настолько обожала художественную литературу, что ложилась спать чуть ли не в обнимку с книжкой. Правда, была одна странность в её увлечении. Я неоднократно замечала, что мама по нескольку раз перечитывает одно и то же произведение. Когда я впервые обнаружила сей факт, я подумала: «Наверное, этот роман настолько ей понравился, что она опять хочет встретиться на его страницах с полюбившимися героями».

– Мам, а почему ты по сто раз читаешь одно и то же? – однажды, поинтересовалась я.

– С чего ты это взяла? – недоумённо спросила она.

– Недавно ты пересказывала мне сюжет, описанный в этой книге. Неужели ты не помнишь? – удивилась я.

– Нет, я держу её в руках впервые, – удивлённо воззрившись на меня, ответила мама.

– Да? – изумилась я, – а мне показалось, что ты уже читала

этот роман!

Мама ничего не ответила мне, недоумённо разглядывая обложку.

– Странно, – пожала плечами я, – если ты не можешь вспомнить содержания прочитанной книги, зачем ты тогда столько времени тратишь на многочасовое чтение?

– Я хочу быть эрудированным, всесторонне развитым человеком! – насупилась мама, – а для этого нужно много читать!

– Но какой же тогда в этом смысл, – воскликнула я, – раз ты ничего не запоминаешь?! Эрудиции от этого всё равно не прибавится. Считай, и не читала вовсе!

– Не тебе меня критиковать! – обиженно вскинулась мама, а затем сердито добавила, – А тебе вместо того, чтобы каждый вечер бегать на танцульки, не помешало бы заняться своим духовным развитием. Иначе, как личность, ты будешь, мало, кому интересна. Так что делай выводы.

Я, конечно, выводы делала и принималась усиленно читать. Правда, меня хватало ненадолго. Мне было трудно усидеть на одном месте более получаса. Пролистав несколько глав книги, не в силах сосредоточиться на повествовании, я отбрасывала увесистый томик в сторону и занималась чем-нибудь другим.

Вот и сегодня после дневного сна, мы, перекусив бутербродами, устроились перед телевизором.

– Какой же красивый мужчина, этот Сергей Васильевич, –

вдруг мечтательно сказала мама.

– А откуда ты его знаешь? – не сразу вспомнив, о ком идёт речь, спросила я.

– Да он с руководством нашего санатория заключил договор на покупку льготных путёвок для сотрудников его предприятия года два назад, – прерывисто вздохнув, ответила она, а потом добавила уважительным тоном, – Ведь Сергей Васильевич, к твоему сведению, профсоюзный босс на очень большом предприятии в Москве. А это почти что бог в наше время. Вот, каждый сезон он и приезжает продлевать это соглашение. Заботится об отдыхе подчинённых.

На этом разговор о Сергее Васильевиче закончился, и мы переключились на другую тему.

5 глава

– Только не сжата полоска одна... – стыдливо озираясь по сторонам, процитировала мама классика, когда мы проходили с ней мимо нашего огорода, если это безобразие вообще можно было так назвать.

Я глянула в сторону участка земли, огороженного кривым забором, и покрытого сгнившими за зиму листьями лопухов, а потом почувствовала укол совести. В отличие соседей, которые согнувшись в три погибели, обрабатывали грядки на соседних участках, мы с мамой никогда не испытывали пристрастия к аграрному труду. Поэтому наш, так называемый огород, выглядел безнадёжно заброшенным на фоне

процветающего великолепия соседей.

– Да, – вздохнула я, вторя маме, испытывая явную неловкость.

– Пойдём домой, – шепнула мне она на ухо и ускорила шаг.

– Пойдём, – кивнула головой я и послушно последовала за мамой.

Когда мы вошли в подъезд, я почувствовала, что изрядно проголодалась, уловив носом запахи жаркого и борща, которые доносились из квартир соседей.

– Я хочу есть! – сообщила я.

– А давай, я приготовлю на обед что-нибудь этакое? – неожиданно сказала мама, а потом вдруг обиженно добавила, – Я, что? Не могу пожарить мясо и картошку?

Поймав мой недоверчивый взгляд, она потупилась.

– погоди! Я ещё фирменный пирог испеку! – пообещала она.

Решительно открыв дверь квартиры, и сбросив туфли в прихожей, мама направилась на кухню.

– Сегодня Первое мая! Почему бы нам не устроить пир горой? – на ходу спросила она.

А потом принялась за дело. Она замесила тесто. Достала из холодильника предварительно размороженный кусок мяса, неизвестно как оказавшийся там. Не прошло и часа, как в доме запахло жареной говядиной и уральским пирогом с сайрой и рисом. Глядя на свою мать, я только диву дава-

лась.

«Что это с ней»? – недоумевала я в ожидании обеда.

Но не успела я прийти в себя от изумления, как раздался звонок в дверь.

– Ой! – округлив и без того большие глаза, охнула мама, чуть не выронив поднос с пирогом, который достала из духовки, а потом настороженно спросила, – Ты ждёшь кого-нибудь?

– Нет, – ответила я.

В этот момент звонок прозвенел ещё раз.

– Так пойдёшь, открой, – распорядилась мама, поставив поднос на стол.

Я послушно пошла в коридор. Даже не глянув в глазок, чтобы посмотреть, кто там так настырно названивает, я распахнула дверь. А за ней я увидела Сергея Васильевича. Он держал в руках большой фирменный пластиковый пакет одного из популярных супермаркетов, в котором судя по очертаниям, лежали фрукты, и смотрел на меня ярко-синими глазами.

– Здравствуйте, Василиса, – сказал он, по-кошачьи переминаясь с ноги на ногу.

Остолбнев от неожиданности, я ошарашенно уставилась на него, бестолково хлопая ресницами.

– Ваша мама дома? – уточнил он, так и не дождавшись от меня ответа, – я обещал ей привезти апельсины и яблоки к празднику.

В этот момент я наконец, очнувшись от оцепенения и истошно заорала во всю глотку:

– Мама!!!

Перепуганная моим воплем, она тотчас влетела в коридор и уставилась на гостя.

– Здравствуйте, Любовь Макаровна, простите, что немного опоздал, – произнёс он, обратившись к ней, а потом спросил, – Можно мне войти?

– Да! Конечно! – воскликнула мама, – милости прошу!

Пока гость разувался в прихожей, я не могла оторвать от него глаз. Мама тоже молча наблюдала за ним.

«Как же он красив!»! – мысленно восхитилась я, рассматривая его классический профиль, похожий на профиль воина с древней фрески.

В этот момент он поднял глаза, в которых плескались все небеса Земли, и моё сердце замерло.

– Куда мне пройти? – спросил он и лукаво улыбнулся, заметив мой восхищённый взгляд.

– Сюда, – сделав приглашающий жест в сторону комнаты, сказала мама, опередив меня.

Я озадаченно посмотрела на неё. А потом просто поразились. С ней вдруг произошла странная метаморфоза. Её всегда бледные щёки порозовели, а зелёные глаза, направленные в сторону гостя, так ярко засияли, что мне почудилось, словно внутри них загорелась потайная лампочка.

– Быстро накрывай на стол, – шепнула она мне на ухо,

не отрывая восторженного взгляда от гостя, глядя как он в комнате устраивается в кресле.

– Уже иду! – закивала я головой, поняв, что визитёр очень даже не неожиданный.

«Ах! Вот для кого мама так расстаралась, готовя обед»! – украдкой улыбнулась я, между делом, заметив, как моя мать прямо у меня на глазах преобразилась и заметно помолодела.

Вынув из кухонного буфета тарелки, я направилась в гостиную. Расставляя их на столе, я украдкой посмотрела в сторону Сергея Васильевича.

А он, тем временем, одёрнув тёмно-синюю, выгодно подчёркивающую цвет его глаз, рубашку, заправленную в белые джинсы, пригладил ладонью выющиеся пепельно-русые волосы и уставился на меня. Наши взгляды встретились, а потом я почувствовала, что между нами пробежала какая-то невидимая искра. Я вдруг поняла, что этот человек останется в моей жизни надолго.

Через пару минут стол был накрыт. Удобно расположившись за ним, гость завёл неспешный разговор. Но я почти не слушала его. Наблюдая за ним, я снова потрясалась его редкой красотой.

– Впереди праздник, День Победы. Если вы согласны побыть в моём обществе, то седьмого мая вечером, я заеду за вами. А потом мы все вместе отправимся в пансионат, который располагается неподалёку от вашего санатория. Я куплю путёвки и размещу вас в комфортабельных номерах

со всеми удобствами, – сказал он.

Выслушав его предложение, мы с мамой переглянулись.

– Клянусь, вы ни о чём не пожалеете, – стал уговаривать нас Сергей Васильевич, на свой манер истолковав наше молчание, – я гарантирую незабываемый вечер в приятной компании и великолепные шашлыки. А ещё хорошую музыку с танцами под магнитофон.

– Конечно же, мы согласны! – хором ответили мы.

Когда гость уехал, мама радостно воскликнула, не успев за ним захлопнуться дверь:

– Наконец-то, в нашей одинокой жизни произойдёт что-то интересное!

Её глаза в этот момент искрились зелёными огоньками. Она словно лучилась изнутри от радости. А потом, убирая тарелки со стола, она вдруг экзальтированно воскликнула:

– Как же он хорош собой! Настоящий герой любовного романа!

Я молча кивнула в ответ головой. Не согласиться с мамой я не могла.

– Знаешь, он очень похож на одного киноактёра, в которого я влюбилась, когда была молодой, – разоткровенничалась она.

Вслед за этим мама рассказала сюжет фильма, в котором этот артист играл главную роль. С её слов это был благородный молодой человек, который взял под опеку одинокую женщину с ребёнком, а потом женился на ней.

– Трогательная история, – впечатлившись её рассказом, заметила я.

– Вот таким и должен быть мужчина, – подытожила мама, – ради любви готовый на всё.

– Мужчина должен быть мужчиной, а не особью мужского рода в штанах, – поддакнула я.

Мама вдруг внезапно посерьёзнала и задумалась, а потом как-то вся поникла.

– Ты, что? – заметив резкий перепад её настроения, встревоженно спросила я.

– Да так. Что-то грустно стало, – тяжело вздохнула она, а потом пояснила, – просто я не хочу, чтобы твоя жизнь сложилась так, как сложилась у меня. Вернее не сложилась.

– Ну, мам, у тебя ещё всё впереди, – принялась я её утешать, – как говорится: неисповедимы пути Господни.

– Да нет, – потупилась она, – я уже слишком стара для того, чтобы меня мог кто-нибудь полюбить. Ушёл мой поезд. Теперь твоя очередь наступила привлекать взгляды мужчин.

– Мам, – засмеялась я, – ну ушёл поезд. И что? Сядешь на пароход. В чём проблема-то?

В ответ она криво усмехнулась, а потом вдруг неожиданно расплакалась.

– Я всегда мечтала о любви, – жалобно всхлипнула она, – а так и не дождалась её.

– Зато ты сделала головокружительную карьеру, – возразила я, – стала хорошим доктором, защитила диссертацию.

А потом заняла пост заместителя главного врача нашего санатория. Тебе есть, чем гордиться. Вон, сколько у тебя всяких медалей и наград!

– Я никогда не была карьеристкой, – вытерев ладонью заплаканное лицо, вздохнула она, – Я всегда была, в первую очередь, женщиной. А теперь мой бабий век заканчивается. И мне от этого страшно!

– Мамочка, – погладив её по смоляной шевелюре, сказала я, – всё у тебя будет хорошо. Ведь никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. Может, твоя должность как раз и приведёт тебя к любви. Вот явится к тебе прекрасный принц на белом коне в ближайшее время. Влюбится в тебя, а потом женится на тебе. Что ты тогда скажешь?

– Лишь бы конь не был краденным, а рыцарь не в ржавых доспехах, – сыронизировала мама.

– Ну это от тебя зависит, – улыбнулась я, – от твоего выбора, да и от твоей активности тоже. Безвылазно сидя дома, как ты это делаешь, принца не дождёшься.

– Ах! Судьба человека и на печке найдет, – отмахнулась она от меня, а затем нравоучительным тоном добавила, – женщина должна быть гордой. А бегать за мужчинами – это унижительно. Во всех сказках, кстати, принц ищет принцессу, а не наоборот. В этом и заключается сермяжная правда.

– А если мужчина очень понравился? – возразила я, – что? Так и сидеть, сложа руки?

– Понравился – не понравился! Это не имеет значе-

ния, – отрезала мама, – инициатива всегда должна исходить от мужчины. Он выбирает. А задача каждой женщины заключается в том, что она должна ждать такого мужчину, а потом вступить в брак, лишь бы нашёлся тот человек, который захочет жениться на ней.

– А если не захочет? – удивилась я, – Или захочет не тот, который понравился?

Мама долгим взглядом посмотрела на меня. В её глазах промелькнуло явное замешательство.

– Давай лучше кино по телеку посмотрим, – решив сменить тему, предложила она, – там вроде комедия намечалась сегодня вечером.

6 глава

Седьмого мая, когда за окном стало смеркаться, Сергей Васильевич, как и обещал, заехал за нами на автомобиле, за рулём которого сидел его друг. Я даже сразу и не поняла, что судьба, сделав крутой вираж, в этот миг открыла новую веху в моей жизни, не оставив от старого её образа ровным счётом ничего. Мой мир изменился, как только прозвенел звонок в дверь, словно по мановению волшебной палочки. Наше с мамой одиночество исчезло в одночасье, словно его и не было вовсе. А дальше жизнь завертелась, словно в калейдоскопе.

Получив ключи от номера, мы с мамой бросили сумку с вещами в шкаф и отправились вместе с Сергеем Василье-

вичем в близлежащий лесок, где на полянке полным ходом уже шло веселье, мгновенно очутившись в эпицентре радости среди радушных друзей Сергея Васильевича.

– Серёга, привет! – поздоровался один из них, – иди сюда!

Несмотря на то, что было довольно-таки прохладно, этот приятель Сергея был почти голым. На нём надеты были только плавки со странным рисунком на причинном месте в виде дамской изящной ручки с красным маникюром, заворачивающей водопроводный кран. А на голове у него красовалось сомбреро из джинсовой ткани.

– Привет, Влад, – отозвался Сергей, а потом представил нас с мамой своим друзьям.

– Устраивайтесь поудобнее, – приглашая нас расположиться возле костра на сооружённой из пней и досок, скамейке, опередив Сергея, предложил Влад.

А потом принялся носиться вокруг костра. Обувки на нём не было. Он бегал по траве босиком, невзирая на то, что рядом в низине, лежал ещё не до конца растаявший снег.

Сергей взял топор, валяющийся на траве, и решил наколоть дров для костра из брёвен, сваленных неподалёку. Но Влад отобрал у него инициативу. Нарочито играя рельефными мышцами, он принялся за рубку, то и дело исподволь косясь по сторонам, чтобы убедиться, достаточно ли привлёк к себе внимание окружающих. Зная, что весьма выигрышно смотрится, на фоне рано растолстевших товарищей, он взял полено, поднял его над собой, а потом со всей силы бро-

сил его на торчащий из земли валун. Полено в мгновение ока разлетелось на щепки. Затем, принимая выгодные позы, Влад их собрал, и присел у костра, чтобы подбросить туда очередную порцию хвороста.

«Ну, ясно, – усмехнулась я, наблюдая за ним, – товарищ относится к породе людей, про которых говорят: к каждой бочке затычка».

– Владик, – вдруг обратилась к нему блёклая миниатюрная блондиночка, ставящая на скатерти, расстеленной прямо на траве, для нас с мамой пластиковые стаканчики и тарелки, – ты бы оделся, а то выглядишь неприлично да и смотреть на тебя холодно.

– Сама одевайся! – прикрикнул он на неё визгливым тенорком, а потом заорал, – не тебе меня учить, что прилично, а что нет! Лучше за сыном присматривай! Это твоя прямая обязанность жены и матери. А я тебе не ребёнок. Нечего мне тут указания раздавать! Я сам хорошо знаю, как мне быть!

Как ни странно, она восприняла его грубость, как должное.

– Антоша, ты где? – спросила она, оглядываясь по сторонам.

– Я тут! – отозвался, стоящий неподалёку белобрысый мальчик в очках лет десяти.

– Тут – не тут, всем капут! – плоско пошутил Влад и громко рассмеялся.

А потом стал снова носиться вокруг костра, и снова шу-

тить, и хохотать над своими же шутками, всеми силами пытаясь сконцентрировать всеобщее внимание на себе. Он был настолько шумным, что кроме него не было слышно никого.

Правда, несмотря на подтянутый внешний вид, и потуги к остроумию он производил впечатление, человека крайне нервного. Его небольшие, но яркие, тёмные глаза всё время бегали, словно искали, что бы сделать такого, чтобы всем показать, кто здесь самый главный. А его орлиный нос абсолютно не сочетался с пухлым, почти женским ртом. Честно говоря, если бы он не создавал так много шума, я бы его даже не заметила. Маме, кстати, он сразу очень не понравился. Но она, в отличие от меня, почему-то сосредоточила всё своё внимание на нём.

– Знаешь, какая у него фамилия? – шепнула она мне на ухо, презрительно скривившись.

– Какая? – попыталась я воспроизвести в памяти, как нам его представили при знакомстве.

– Алмазов! – отчего-то страшно возмущившись, воскликнула мама.

– Да нет же! – хихикнув, поправила я её, вспомнив всё же тот момент, когда Влад отрекомендовался, – ты перепутала, мама. Его фамилия – Хрусталёв!

– Фу! Ещё не легче! – фыркнула она.

В ответ я рассмеялась. Меня очень позабавила её реакция на этого, в общем-то мало интересного человека.

– Ты обратила внимание на то, какой он грубиян? – меж-

ду тем, продолжила возмущаться мама, – Как он по-хамски разговаривает с женой!

«Да какая разница как он себя ведёт? – подумала я, а потом мысленно удивилась, – и на кой ей сдался этот мужик?»

А вслух сказала:

– Ой, мам! Да забудь ты про него!

– Владька Хрусталёв недавно вернулся из Чили, – услышав наш разговор, вмешался в него Сергей Васильевич, – там он был с семьёй в загранкомандировке два года.

– Как это интересно! – оживилась мама, покосившись в сторону Хрусталёва, – Чили – это же настоящая экзотика!

– Ничего экзотического там нет, – важно выпятив вперёд нижнюю губу, возразил Сергей Васильевич, – страна высокогорная. От этого и не самая престижная для работы за рубежом. Атмосферный воздух там разрежен так, что дышать порой трудно. Не до экзотики, прямо скажу.

– Но всё равно, – мечтательно закатила глаза мама, – побывать за границей – это так любопытно!

– Любопытство такое дорого стоит, – спустил её с небес на землю Сергей Васильевич, а потом со знанием дела пояснил, – Зря денег нигде не платят. Поэтому Хрусталёв по нашим меркам теперь страшно богатый мужик.

– А у него много денег? – округлив глаза, как-то непривычно блеснувшие, поинтересовалась мама.

– Много, – почему-то вздохнул Сергей Васильевич, а потом, кивнув в сторону белой машины, стоящей на краю по-

лянки, добавил, – видите? Это его автомобиль. И не простой, а самой престижной марки.

В его голосе послышалась едва заметная нотка зависти. Эта нотка очень покорила меня. Мне казалось, что такой мужчина, как он, не должен ни к кому испытывать это унижительное чувство.

– Да?! – тем временем воскликнула мама и затуманившимся взглядом посмотрела на Хрусталёва.

А я промолчала.

«Какая разница, у кого сколько денег? – подумала я, – мне вот абсолютно наплевать на Хрусталёва и его богатство, в придачу. Тоже мне тема для разговоров! Я не собираюсь тратить время на подобные обсуждения»!

В данный момент я предпочитала наслаждаться жизнью, которая так неожиданно изменилась. Вдыхая всей грудью пряный воздух леса, гармонично переплетающийся с ароматами костра, разожжённого на полянке, и жареного мяса, готовящегося на нём, я ощущала себя невероятно счастливой.

В этот момент кто-то включил музыку. Услышав её, Сергей Васильевич пригласил меня танцевать и мы одиноко закружились на середине полянки. Покачиваясь в такт мелодии, мы принялись тихо беседовать, неотрывно глядя друг на друга. В его глазах плескалось столько чувств, что в какой-то миг мне показалось, что он едва сдерживает непреодолимое желание поцеловать меня.

– Какое у тебя необычное имя – Василиса! – умело мо-

дулируя приятным баритоном, сказал Сергей Васильевич, тряхнув пепельно-русыми кудрями, словно пытаясь сбросить с себя какое-то наваждение.

Я смутилась. Честно говоря, моё имя мне не нравилось. Было в нём нечто пафосное на мой взгляд.

– Это мама так меня назвала в честь царевны из русской народной сказки, – словно оправдываясь, пояснила я, – Она вообще любит всё сказочное.

– А ты? – понизив голос так, что в нём отчётливо зазвучали бархатные нотки, спросил он, заглядывая мне в глаза, а потом осторожно, и одновременно нежно, провёл ладонью по моим длинным волосам, свободно лежащим на моих плечах.

Этот жест заставил меня покраснеть. Чувствуя, как в моей груди затрепетало, словно воробушек, пойманный в силоч, сердце я потупилась, чтобы не выдать смущения. Но Сергей Васильевич, властным жестом взял меня за подбородок, а потом приблизив своё лицо к моему, выдохнул пересохшими губами:

– Ах! Какие глаза! Зелёные как у рыси.

Испугавшись, что я потеряю всякий над собой контроль, я решила изменить тему разговора и отстранилась от него.

– Мама называет меня Васькой. Правда, забавно? – тихо рассмеявшись, сказала я.

– Правда, – улыбнулся он, – словно мальчишку.

– Но мне больше по душе, когда меня зовут Асей, – посе-

рѣзнев, сказала я.

– Почему? – удивился Сергей Васильевич.

– Это имя чем-то напоминает мне имя – Ассоль, – пояснила я, а потом спохватилась, – Вы знаете эту литературную героиню?

– Знаю, – кивнул он головой, а потом усмехнулся, – Так ты тоже любишь сказки, как и твоя мама?

– Да, – простодушно подтвердила я, – особенно «Алые паруса» Александра Грина.

– Но только это совсем не сказка, – возразил Сергей Васильевич, немного подумав, – Делать чудеса своими руками не так уж и сложно – это ведь и есть жизнь!

Его слова так поразили меня, что я на некоторое время замолчала.

«Это – он! – потрясённо подумала я, – мой капитан Грей»!

– Вы правы, – пробормотала я, ошеломлённая этим открытием.

– А ты никогда не задумывалась над тем, – спросил меня Сергей Васильевич, – что стало бы с Ассоль, если бы Грей выбрал из толпы вместо неё другую девушку?

– Она, наверное, умерла бы от горя, – дрогнувшим голосом ответила я, а потом натянуто улыбнувшись, попросила, – давайте не будем думать, что всё так грустно могло закончиться, ладно?

– Ладно, – согласился Сергей Васильевич, а потом немного обиженно спросил, – скажи мне, я, что? Такой старый для

тебя, что ты меня называешь всё время на Вы?

– Да нет. Просто я ещё не привыкла к Вам, – немного смутившись, ответила я.

«Как он мог так подумать?! – мысленно возмутилась я, – Я просто мучаюсь от застенчивости, поэтому так скована. А его возраст меня совершенно не волнует».

– Знаешь, сколько мне лет? – слегка напряжённо спросил он.

– Нет. А сколько? – поинтересовалась я.

– Если честно, то много, – отведя взгляд в сторону, смущённо признался он.

– Ну лет двадцать восемь? – простосердечно предположила я и, тут же спохватившись, что слегка перегнула палку, испуганно спросила, – я не обидела Вас?

– Что ж, это даже лестно, – польщено улыбнулся он, а потом признался, – Знаешь, а ведь мне уже почти тридцать шесть лет.

– Ну надо же! А я никогда бы Вам столько не дала! – искренне восхитилась я.

– Ты опять? – упрекнул меня он, а потом попросил, – пожалуйста, обращай ко мне на ты, ладно?

– Ладно, – ещё смущаясь, и борясь с хорошим воспитанием, послушно ответила я.

Музыкальная композиция, тем временем, закончилась. Но мы так и продолжали крепко обнимать друг друга в воображаемом танце, не слыша, и не видя никого вокруг. На-

верное, мы простояли бы так вечность, если бы Влад не вернул бы нас с небес на Землю. Следующей зазвучала ритмичная латино-американская мелодия. Он тут же, переведя всеобщее внимание на себя, принялся плясать. Да так красиво у него это получалось, что он мне не показался в этот момент таким уж противным.

«А он ничего, когда он не орёт дурниной на жену, – подумала я, решив станцевать с ним дуэтом, – в нём столько мальчишеской бесшабашности, что она отчасти компенсирует его хамство».

Когда я, немного запыхавшаяся, вернулась на своё место у костра, то обнаружила, что мамы рядом нет. Я завертела головой по сторонам, ища её глазами. И увидела, что она стоит чуть поодаль, прислонившись к берёзе и задумчиво смотрит, как волнами переливается жар на углях. Извинившись перед Сергеем, который после зажигательного латиноамериканского танца, снова оказался подле меня, я подошла к ней.

– Мама, у тебя всё в порядке? – участливо спросила я.

Она подняла глаза и грустно улыбнулась.

– Да, – тихо ответила она, – я давно мечтала провести ночь у костра. И сегодня моя мечта, сбылась.

7 глава

После того, как чудесные майские праздники закончились, мы с Сергеем стали постоянно созваниваться. Почти каждый вечер он приезжал, чтобы увидеться со мной. Я ис-

кренне радовалась его приезду, пытаясь окружить заботой, накормить и обласкать. А потом мы с ним шли гулять по са-наторским аллеям, на одной из которых, присев на уединён-ную лавочку, мы бросались друг другу в объятия и прини-мались упоённо целоваться.

Млея от ласк Сергея, я восторженно думала: «Если его поцелуи так прекрасны, то каким же восхитительным будет их продолжение»?

А утром он вставал ни свет ни заря и, позавтракав тем, что я ему приготовила, на первой электричке отправлялся на работу, в Москву.

– К себе домой, при всём желании, я не могу тебя при-гласить. Ведь я живу в квартире бывшей жены. Правда, в от-дельной комнате, – однажды виновато сказал Сергей, – но я там редко бываю. Ночую, где придётся: то у друзей, то у бра-та, то у матери...

– Тебе не нужно оправдываться передо мной. Я тебе пол-ностью доверяю, – перебила я его, не дав договорить, – а твой жилищный вопрос меня мало волнует. Потому что для меня главное – это ты.

Меня и в самом деле не заботил тот факт, что после раз-вода Сергею стало негде жить.

«Важно, что мы любим друг друга, а остальное – ерунда на постном масле!» – купаясь в волнах счастья, думала я.

А всё, что выходило за рамки этого счастья я считала глу-постью. Ведь рядом с Сергеем я чувствовала себя малень-

кой беззащитной девочкой, и мне это очень нравилось. Видимо, оттого что я выросла без отца, я подсознательно ждала от мужчины такого вот заботливого отношения, которое мне Сергей давал. А он очень хорошо вписывался в эту роль. Он неустанно сдувал с меня пылинки и, как мне казалось, очень мною дорожил.

«Моя Ассоль», – трепетно говорил он при этом.

А главное, он не настаивал на интимной близости после того, как я оказала ему решительное сопротивление, когда он сделал первую попытку в этом направлении. Он просто сказал мне:

– Я подожду, когда ты сама захочешь. Я не буду тебя ни к чему принуждать без твоего согласия.

Такая неслыханная деликатность меня окончательно покорила. Ведь, отказав Сергею удовлетворить его естественное мужское желание, я сначала не на шутку испугалась.

«Вдруг он обидится, и после этого мы расстанемся»? – в ужасе думала я, не собираясь однако уступать ему.

Но Сергей и не думал обижаться. Он продолжил сдувать с меня пылинки с утроенным рвением. Мало того, каждый раз, когда Сергей приезжал, он или привозил полные сумки продуктов, или просто давал маме деньги. Сергей считал, что не имеет права жить за счёт одиноких женщин.

А через месяц он сделал мне предложение. Я, не колеблясь, согласилась отдать ему руку и сердце в придачу. А потом мы решили получить согласие на наш брак у моей ма-

тери.

– Что случилось? – испуганно спросила она, увидев как мы встали перед ней на колени.

– Мама, благослови нас, – вместо ответа попросила я, – Серёжа хочет, чтобы мы стали мужем и женой.

– Я вас благословляю, – смахнув воображаемую слезу, немного пафосно сказала моя мать, – будьте счастливы, дети мои.

На следующий же день мы подали заявление в Центральный Московский Дворец Бракосочетаний. После чего я принялась нетерпеливо считать дни до исторического момента, который очень скоро должен был произойти в моей жизни. А Сергей, тем временем, продолжал свято охранять мою чистоту. Однажды, во время очередного визита, он в порыве откровенности во время ужина доверительно сказал маме:

– Мы должны приложить все усилия, Люба, чтобы сохранить в Асе её редкую непосредственность.

Она только промолчала в ответ, исподлобья глянув на меня.

А когда Сергей уехал, я, как всегда, проводив его до двери, вернулась в гостиную. А там я неожиданно застала маму горько плачущей. Она лежала на софе, отвернувшись к стене. Её округлые плечи судорожно вздрагивали.

– Мамочка, ты что? – бросилась я к ней.

– Ничего, – всхлипнув ответила она, продолжая лежать, уткнувшись носом в стенку.

Я присела рядом и погладила её по плечу. Почувствовав прикосновение моей ладони, она резко повернулась. Её лицо было припухшим от слёз, и я тут же почувствовала острую жалость к ней.

– Мамочка, – ласково сказала я, пытаясь её утешить, – не нужно плакать! Я всегда буду рядом с тобой. Несмотря ни на что.

Посмотрев на меня несчастными глазами, она громко всхлипнула в ответ.

– Я знаю, – словно оправдываясь, сказала она, – Просто, когда я слышала, как вы с Сергеем целуетесь в прихожей, я ясно поняла, что скоро останусь одна, и мне стало нестерпимо больно.

– Не останешься, – горячо возразила я, – я никогда не брошу тебя. Слышишь?

– Да слышу, – горестно вздохнула мама, а потом вдруг обиженно насупилась, – вот и кончилась моя бабья жизнь. Мне осталось только одно теперь – нянчить внуков.

Я пожала плечами.

«Разве возиться с внуками – это так уж плохо»? – недоумённо подумала я.

Но вслух поостереглась такое сказать.

8 глава

Вскоре семейство Хрусталёвых приехало на отдых в пансионат, в котором мы все познакомились весной. В пер-

вый же вечер, Влад пригласил нас с мамой в честь собственного дня рождения на шашлыки. Мы приняли это приглашение и в сопровождении Сергея отправились в знакомый лес. Мама захватила с собой в подарок виновнику торжества – трёхтомник Пушкина в красно-бордовом бархатном переплёте с золотым тиснением.

Увидев в её руках книги, я немного удивилась.

«На кой Владу стихи? – недоумённо подумала я, – ведь он очень далёк от поэзии». Правда, вслух я ничего не сказала.

«Пусть дарит! – решила я, – ведь ей виднее, как поступать».

Когда мы появились на поляне, пир уже начался. Гости Влада, расположившись на траве, возле расстеленных покрывал, взятых из номеров пансионата, и щедро заставленных яствами, вовсю веселились. Увидев нас, они приветливо замахали руками, приглашая присоединиться к ним. Поздравив «новорожденного», мама, слегка покрасневшись от смущения, вручила ему подарок. Недоумённо повертев в руках книжки, Влад рассеянно поблагодарил её, а потом небрежно бросил их в багажник автомобиля, припаркованного неподалёку от полянки. Проследив взглядом, как новенькие сборники гениального русского классика, плюхнулись в загаженный машинными маслами и бензиновыми разводами авто-бокс, мама жалобно глянула в мою сторону, словно ища сочувствия. В ответ я только пожала плечами.

Тем временем Сергей вручил виновнику праздника кон-

верт с деньгами.

– Спасибо, Серёга! – заглянув внутрь него, радостно воскликнул Влад, а потом, спрятав конверт в карман джинсов, довольным голосом добавил, – Вот это я понимаю – подарок! Не то что книги!

Затем, продолжив прерванное застолье, он принялся смешить публику, а мы усадились возле импровизированных скамеек-самобранок и приступили к праздничной трапезе.

Когда день стал уверенно опрокидываться в ночь, веселье стало потихоньку утихать. Гости, после съеденного шашлыка, и выпитого вина, сыто расслабились, перейдя на неспешную беседу.

Между тем, наступивший вечер, стали поглощать сумерки, погрузив лесное царство в прохладу. А когда на траву устало опустилась ночь, гости отправились вглубь леса: кто на ручей за водой, а кто за хворостом для костра. В итоге мы остались с Владом одни на полянке.

Я сидела у костра и заморожено любовалась на языки пламени, жадно лижущие обугленные поленья. Мне было немного холодно. Но огонь костра не давал мне замёрзнуть. Он уютно потрескивал у ног, облизывая чёрные головешки, и, обдавая меня жарким дыханием. Чуть вдалеке, за пределами тепла и света завывал голодный лесной комарик, мечтающий вонзить свой хоботок в какую-нибудь зазевавшуюся жертву, отошедшую на достаточное расстояние от огня. Но я не обращала на него внимания. Я была поглощена мечтами

о предстоящих в моей жизни счастливых переменах.

– Ася! – неожиданно вывел меня из грёз тенорок Влада, который всё это время крутился возле костра.

Нехотя, оторвавшись от увлекательного созерцания пляшущего на углях пламени, я вопросительно глянула в его сторону, и увидела, что Влада бьёт сильный озноб. «Наверное, он замёрз», – подумала я, невольно поёжившись.

– Я тебя люблю, – поймав мой взгляд, не совсем трезвым голосом вдруг выпалил он и, глядя на меня в упор, начал медленно ко мне приближаться, – я влюбился в тебя с первого взгляда...

Но договорить он не успел. Не дойдя до меня несколько шагов, Влад поскользнулся на сырой траве. Нелепо взмахнув мускулистыми руками, и, коротко охнув, он кулем рухнул подле меня на землю. А я вскочив, рефлекторно отпрыгнула в сторону.

Растерянно глядя, как Влад беспомощно барахтается возле моих ног, делая тщетные попытки принять вертикальное положение, я поняла, наконец, смысл того, что он только что сказал. Чтобы сразу пресечь ненужные разговоры на любовные темы, пока Влад пытался подняться с земли, я жёстко отрезала:

– А я люблю Сергея. И скоро выйду за него замуж. Так что больше не смей говорить мне об этом.

В этот момент из леса вышла мама. А Владу, наконец, удалось принять вертикальное положение.

«Слава Богу, что никто не видел его падения в прямом и переносном смысле этого слова», – мысленно перекрестилась я, увидев её.

А потом решила об этой истории поскорее забыть, посчитав, что Влад наболтал лишнего спьяну, и на утро, хорошенько проспавшись, ничего не вспомнит.

«Как говорится, – усмехнувшись, подумала я, – утро вечера бодунее».

Между тем, гости снова собрались возле костра. Внезапно переключив внимание с меня на маму, Влад принялся крутиться возле неё. Мама благосклонно приняла его ухаживания, совсем не обращая внимания на то, что за ними в этот момент наблюдает жена Влада. Было трудно не заметить, как она просто сгорает от ревности. Её серые глаза буквально метали молнии в их сторону. Но ни Влад, ни мама не замечали этого. Они так увлеклись друг другом, что совсем забыли, что существуют рамки приличия, которые нельзя нарушать. Просто потому, что нельзя.

9 глава.

Наступила глубокая ночь. Пора было вспомнить о том, что до утра нужно сделать передышку и отправиться спать в палаточный лагерь, раскинутый неподалеку от костра.

В одну из палаток мы забрались с Сергеем. Он тут же набросился на меня с поцелуями. Мне стоило больших усилий, чтобы оказать ему должное сопротивление, когда его рука

незаметно проникала туда, куда ей проникать было недозволено. В этот момент я просто пылала от страсти, поэтому чуть не сдалась под напором Сергея. Но меня спасло то, что он был подшофе и быстро отключился. Я же, в отличие от него, не смогла уснуть. Меня переполняла такая гамма чувств, что сон не шёл ко мне. Дождавшись, когда забрезжит рассвет, я выползла из палатки, решив не тратить прекрасные мгновения своей жизни попусту, а вместо этого побродить по лесу и помечтать.

Было чудесное утро. Лёгкий туман тонкими полупрозрачными лоскутами лежал на траве. Где-то крикнула во всё горло ранняя птица. От утренней росы у меня промокли ноги. Но я не обратила на это внимания. Я ощущала себя любимой. От этого чувства в моей душе пели все соловьи мира.

«Вот как порой случается в жизни, – восторженно думала я, – не забудь в тот памятный день моя начальница составить список пациентов на процедуру в мой кабинет, я бы не встретила Сергея, и не была бы сейчас такой счастливой».

Я с наслаждением вдохнула воздух, наполненный ароматами леса, чувствуя, что не могу им надыхаться.

«Наша встреча – это просто настоящее чудо, которое подарила нам наша судьба», – вдруг озарило меня.

От этой мысли мне стало так хорошо, что я улетела напрямиком на седьмое небо.

Но очень скоро меня вернули оттуда на землю какие-то странные звуки, похожие на стоны. Они раздавались из-за

палатки, в которой расположилось на ночлег семейство Влада. Решив, что кому-то из гостей стало плохо от перебора с алкоголем, я со всех ног ринулась на помощь. Но обогнув палатку, я остолбенела от неожиданности, потому что увидела полуголого мужчину, навалившегося всем телом на женщину, лежащую на спине. Эти двое прямо на траве занимались сексом, издавая те самые стоны, которые привлекли моё внимание. Приглядевшись, я поняла, кто это.

«Мама»? – поразилась я, едва сдержавшись, чтобы не произнести это слово вслух.

Я просто не могла поверить своим глазам.

«А как же – „умри, но не давай поцелуя без любви“? – обескураженно подумала я, увидев как моя родительница самозабвенно совокупляется с пьяненьким Владом возле палатки, где спит его жена и сын, – да это просто бесстыдство какое-то!»!

На моё счастье новоиспечённые любовники, меня не заметили, уж больно увлечены были своим делом. Я же поскорее спряталась в той палатке, где сладко похрапывал Сергей. Восторженное настроение, после увиденного, с меня как ветром сдуло. Вместо него густой осадок отвращения тяжёлым комом провалился на дно моей неискнутой души. Для меня настолько дико было видеть мою мать, распластанную на траве под нетрезвым Владом, что сказать, что я была поражена этим, это – ничего не сказать. От понимания, что он только что изменил собственной жене чуть ли не у неё

на голове с моей родительницей, мне стало так плохо, что в пору было по-собачьи завывать.

Правда, хорошенько поразмыслив, я решила никому ничего не рассказывать о том, что увидела. Я только, молча, стала наблюдать за участниками любовного треугольника, когда лагерь пробудился ото сна, и все его обитатели снова собрались у костра.

Но поскольку на моём лице всегда отражалась вся та гамма чувств, которые я испытывала, мама сразу же заподозрила неладное.

Спустя, несколько дней, когда Влад с семейством уехал восвояси, почуяв с моей стороны непривычную отчуждённость, она поняла, в чём дело. А потом призналась в том, что у неё с Владом начался бурный роман. Открыв, уже известный мне секрет, она вдруг неожиданно впала в истерику.

– Васенька, пойми меня! – отчаянно закричала она, – Я так хочу быть любимой! Поэтому не суди меня строго! Может быть, это вообще последний в моей жизни мужчина!

Мне, конечно же, сразу стало жалко, рыдающую в три ручья, мать. Да и как я могла её осуждать? Я же видела, сколько лет она маялась от беспросветного одиночества.

– Я хорошо понимаю тебя, и очень люблю, – тихо сказала я.

Услышав мои слова, она немного успокоилась, и с благодарным взглядом посмотрела на меня. Затем, жалобно сморщившись, она принялась ещё громче плакать.

– Мне так стыдно, что я связалась с женатым мужчиной, – стала каяться она, – А ещё оттого, что я хорошо знакома с его супругой и, одновременно, так плохо поступаю с ней.

Потом она вдруг перестала плакать.

– Я его прогоню, если он явится опять, – решительно вытерев слёзы, вдруг заявила она, – Как честная женщина, я просто обязана прекратить раз и навсегда этот бессмысленный роман.

– Вот и правильно, – одобрила я её решение, – тем более будущего у ваших отношений скорее всего нет. Влад несвободен, да и он гораздо моложе тебя.

– Да знаю я. Можешь не напоминать мне о том, что он ровесник Сергея, – потупилась мама, а потом взмолилась, – Васечка, пожалуйста, помоги мне! Поддержи меня в таком трудном деле.

– Конечно, – согласилась я, – я сделаю всё так, как ты хочешь.

В этот момент раздался звонок в дверь. Услышав его, мама испуганно вытаращила глаза, а потом метнулась в прихожую и припала там к дверному глазку. Увидев по ту сторону двери Влада, она протянула руку к замку, намереваясь его открыть. Но тут же одёрнула её.

– Уходи, Владик! – жалобно попросила она, когда звонок прозвенел ещё раз.

– Почему, Любочка? – вторил он ей таким же жалобным тоном.

– Хотя я тебя очень люблю, но совесть мне не позволяет принимать женатого человека в своём доме, – чуть не плача, ответила она, – мы не должны больше встречаться.

– Но я хочу видеть тебя! – заныл Влад, – Впусти меня, пожалуйста!

– Я не могу, – дрожащим от слёз голосом ответила мама, – уходи!

Их заунывный диалог продолжался настолько долго, что стал мне отдалённо напоминать завывания мартовских котов под окном. Особенно после того, как Влад, не добившись того, чтобы ему открыли дверь, вышел на улицу, а потом стал истошно орать под балконом:

– Любочка, выйди!

В итоге мне надоело слушать их розово-мыльный диалог, и я решила вмешаться.

– Пшёл вон, донжуан недобитый! Она не хочет тебя видеть! Не ясно, что ли? – выйдя на балкон, гаркнула я.

А ей попеняла:

– Если гонишь мужика, то нечего говорить ему, что любишь.

И тут же осеклась. Взглянув на маму, я увидела, что на ней нет лица.

«Ей, действительно, тяжело оттолкнуть от себя этого ничем не примечательного типа», – потрясённо подумала я.

В конце концов, мама не выдержала, открыла дверь и приняла настырного любовника в свои объятия. А он, как толь-

ко щёлкнул замок, тут же просочился, словно змей, в комнату. Потом они вместе удалились на кухню и там за бутылкой водки стали выяснять отношения.

Наблюдая за ними, изрядно захмелевшими, и льющими, сидя друг напротив друга за столом, пьяные слёзы, я просто диву давалась.

«И чего, спрашивается, я его выгоняла»? – разочарованно подумала я.

А вечером приехал Сергей. Когда он увидел, развалившегося в кресле нетрезвого Влада в гостиной, он страшно возмутился:

– Люба! Почему ты позволяешь, чтобы твой постыдный роман наблюдала твоя чистая дочь?

Мама ничего не ответила ему. Она только сконфужено опустила нетрезвые глаза.

– А ну-ка, пойдём, выйдем, – не добившись от неё ответа, обратился Сергей к Владу, решив на свой манер принять меры в борьбе за мою непорочность, – у меня есть к тебе серьёзный разговор.

Его глаза в этот момент просто метали синие молнии в окружающее пространство.

Влад упираться не стал, выбрался из кресла, и они с Сергеем удалились выяснять отношения на улицу во машину Влада, подальше от женских глаз и ушей.

Через час Серёжа вернулся назад страшно злой.

– Ты представляешь, – возмущённо сказал он, – этот наг-

лец, когда я предъявил ему претензии, пьяно ухмыляясь, развязано заявил: «Ни одна баба ещё не устояла передо мной. Любка сразу сдалась. А вот Аська – крепкий орешек. Она на тебя запала. Но я не гордый. Подожду, когда ты с ней наиграешься. А потом тёлками поменяемся, идёт»?

– Что?! – воскликнула я и решила поскорее посвятить маму в грязные планы её любовника.

Но, вспомнив, как она недавно отчаянно переживала из-за него, осеклась.

«Я не могу этого сделать, – подумала я, – Да она и не поверит мне, если я расскажу ей обо всём».

10 глава

Прошло два месяца. Бурный роман Влада и мамы набирал обороты. Но она не выглядела счастливой. А даже наоборот! Из тихой покладистой женщины моя мать неожиданно превратилась в настоящую фурию. Она без конца впадала в страшные истерики.

«Наверное, она так ведёт себя потому, – пыталась я оправдать взрывы гипертрофированной эмоциональности своей матери, – что не знает, как ей жить дальше. Ведь я выхожу замуж и скоро уеду от неё, оставив один на один с надвигающейся старостью».

Поэтому я старалась относиться к ней терпеливо.

«Как хорошо, что Серёжа живёт в Москве, а не в другом городе! – мысленно радовалась я, – благодаря этому, я смогу,

часто наведываться к маме, и она не будет чувствовать себя несчастной и никому не нужной»!

Эта мысль неожиданно вернула меня в ту пору, когда я ещё не была знакома ни с Сергеем, ни с Владом.

«Надо же! – мысленно поразила я, – всё, о чём я мечтала, сбывается точь-в-точь, как я просила. Сергей – вылитый герой из моих грёз. Даже то, что я после замужества буду жить в Москве, полностью соответствует моим просьбам. Мама всегда будет от меня в доступной досягаемости. Я всегда смогу примчаться к ней по первому её зову».

В этот момент чувство благодарности переполнило меня. Но моя мать совсем по-другому видела своё будущее. Отчётливо осознавая, что её песенка в плане личной жизни почти спета, она принялась делать отчаянные попытки, во чтобы то ни стало, поймать ускользающее от неё женское счастье. Мёртвой хваткой вцепившись во Влада, она самозабвенно предалась последнему в своей жизни роману. На свои средства она сняла для встреч с Владом однокомнатную квартиру в пригороде Москвы. Она постоянно стала удирать с работы, рискуя лишиться должности, под видом того, что ей нужно заниматься подготовкой к свадьбе дочери. Затем, мгновенно забыв обо мне, моя мать на всех парусах мчалась на свидание к Владу, и они отправлялись на съёмную квартиру, где проводили бурную ночь, после которой, вернувшись домой, она принималась биться в страшной истерике.

– Что я буду делать, когда он бросит меня!?! – истошно вопила она, становясь абсолютно невменяемой.

Между тем время моей свадьбы неуклонно приближалось. Нужно было уже заниматься многочисленными хлопотами, связанными с ней. Я очень надеялась, что мама поможет мне. Но внезапно она вдруг категорически отказалась принимать участие в подготовке такого серьёзного мероприятия.

– Денег не дам, – заявила она, когда я напомнила о том, что давно пора выбрать мне свадебный наряд и всё, что к нему прилагается.

– Почему? – не поняла я.

– В обычном платье регистрируешься! – парировала она, – Невелика важность!

Поняв, что мои планы катастрофически рушатся, я жалобно всхлипнула. Ведь я чуть ли не с детства мечтала о том, каким будет моё подвенечное платье. Я частенько рисовала его в альбоме, представляя какой я буду красивой невестой в день свадьбы. На моих рисунках оно было сшито из белого шёлка, украшенного тонким кружевом и жемчугом. А ещё я мечтала о фате. В моих мечтах она была длинной и лёгкой как прозрачное волшебное облако.

В конце концов, до меня дошло, что мои мечты могут никогда не сбыться, и от отчаяния я горько заплакала. Только мои слёзы вместо сочувствия вызвали у мамы такой гнев, что я с перепугу перестала реветь.

– Твоё замужество мне уже поперёк горла встало! – заорала она, – Ты со своей свадьбой мешаешь строить мне личное счастье, которое я нашла, наконец! А мне недосуг расходовать сейчас на неё время и средства! Я и так потратила на тебя почти всю свою жизнь и больше этого не желаю делать!

– Ну тогда отдай мне те деньги, которые я заработала за этот месяц! А ещё те деньги, которые тебе регулярно давал Сергей, когда приезжал, чтобы провести у нас выходные, – попросила я, – как раз на них я и куплю подвенечное платье.

– Перебьёшься! – отрезала она, – Я уже отдала их на оплату съёмной квартиры, где мы с Владиком встречаемся. Остальную сумму я отложила на еду, из которой ты уже половину проела. Или ты теперь будешь питаться одной любовью?

– Но я хочу красивое платье! Я так мечтала, хоть один раз в жизни стать сказочной принцессой! – взмолилась я, – ведь это – мой единственный шанс! О нём мечтают все девушки. Ты же знаешь!

– У меня не было такого платья, когда я выходила замуж за твоего отца, и ты обойдёшься! – поставила мама жирную точку в нашем диалоге.

Вообще её отношение ко мне резко изменилось с того дня, когда она закрутила роман с Владом. Ещё вчера она была заботливой, любящей мамой, готовой ради единственной дочери пойти на всё. А сегодня она стала вдруг, словно чужой. Мне было очень больно видеть её такой.

«В чём я виновата? – не могла я понять, – что не так сделала?»

От отчаяния я всё время плакала.

– Прекрати скулить, зануда! – увидев, что у меня снова глаза на мокром месте после её очередной отповеди, однажды накинулась на меня мама.

– Я не скулю, – сдавленным голосом буркнула я, стараясь не реветь.

– Утри сопли! Смотреть тошно, какая ты сейчас страшная! – презрительно скривившись, фыркнула она, вместо того, чтобы проявить участие, к которому я привыкла, а потом с издёвкой добавила, – И что в такой уродине нашёл Сергей? Почему он, такой красавец, выбрал тебя, не пойму?

В итоге до меня медленно, но верно, стало доходить, что моя свадьба может не состояться. Но Сергей, увидев, что я нахожусь на грани нервного срыва, трезво оценил ситуацию. А потом взял организацию свадебного торжества в свои руки и сам занялся связанными с ним хлопотами. А я, окончательно поняв, что на покупку подвенечного платья мне нечего больше надеяться, решила порыться в шкафу и найти там что-нибудь подходящее случаю. Остановив свой выбор на белом льняном костюмчике, который мы с мамой всего пару раз по очереди надевали летом, так как носили одинаковый размер одежды, я приступила к поискам подходящей обуви и полезла на антресоли, где нашла коробку, в которой хранились белые босоножки.

«Они почти новые и вполне сгодятся», – подумала я.

А потом я соорудила фату. Там же на антресолях я на-
ткнулась на кусок тюля, лежащего в пластиковом пакете,
и решила, что он мне сейчас очень пригодится. Я сплела ве-
ночек из белых искусственных цветов и приладила к нему
тщательно отстиранный тюль.

«А ничего так смотрится», – подумала я, крутясь перед
зеркалом с самодельной фатой на голове.

Таким образом вопрос подготовки к свадьбе худо-бедно
решился. Но я всё равно была очень расстроена оттого, что
ни нового платья, ни настоящей фаты, ни стильной обуви
у меня нет. Видя это, Сергей решил подбодрить меня.

– Ты у меня такая красавица, Ассоль, что тебе совсем
не нужен роскошный наряд, – сказал он.

Потом мы поехали вместе в ювелирный магазин и купи-
ли обручальные кольца на его деньги. А на следующий день
Сергей заказал для гостей несколько столиков в столичном
ресторане.

Тем временем с матушкой творилось что-то невообрази-
мое.

– Я подлая баба! – впад в очередную истерику, неистов-
ствовала она, – у меня нет совести!

– Ты о чём, мама? – испуганно спросила я её, не сразу
поняв, что она имеет в виду.

– Я влезла в чужую семью и разрушаю чужой брак! –
в ответ запричитала она, – как я могу так поступать теперь

с другой женщиной, если сама когда-то прошла через измену, а потом через ужас развода?

Слушая её, я не знала, что ответить. Но она и не ждала, что я ей что-то скажу.

– Это наказуемо! – рыдала она, – потому что на чужом несчастье счастья не построишь!

«Как можно бояться разрушить то, что уже и так давно развалилось»? – наблюдая за ней, удивлялась я.

Ведь я знала, что Влад постоянно изменял жене до мамы, и та не оставалась у него в долгу. Но я благоразумно промолчала и терпеливо подождала конца истерики.

Всласть наревевшись, мама вдруг неожиданно успокоилась. Потом она вытерла слёзы, зачем-то взяла телефон и ткнула в него дрожащим пальцем. Как оказалось, она позвонила Владу. Когда он ответил ей, она попросила позвать жену и включить громкую связь, а потом призналась ей в том, что они с Владом любовники. Видимо, так она решила поставить точку в их отношениях. А может быть, она рассчитывала на противоположный результат. Возможно, маме так хотелось заполучить этого мужика в единоличное владение, что угрызения совести отошли у неё на задний план.

В тот же вечер они оба явились к нам домой: Влад и его супруга. Нас с Сергеем, который тоже приехал повидаться со мной, вежливо попросили уйти на улицу, пока участники классического треугольника, будут выяснять отношения. Поняв, что наше присутствие может стать серьёзной поме-

хой в таком деликатном деле, мы с Серёжей безропотно оделись и пошли прогуляться. Но, спустя час, мы вернулись назад. Бродить под холодным осенним дождём было очень неудобно. Правда, как раз к этому времени, эти трое уже всё выяснили. Это было хорошо видно по выражению их лиц. Они все сидели за столом на прокуренной кухне. Сильно захмелевший Влад на правах хозяина командовал, осваивая новую территорию. А мама, пряча счастливые глаза, радостно улыбалась. Что касается жены Влада, то она с каменным лицом, сидя на табуретке, отрешённо потягивала из высокого хрустального стакана водку, разбавленную апельсиновым соком.

– Владик принял решение остаться со мной, – не скрывая гордости сообщила мама, когда мы с Сергеем вошли на кухню.

В этот момент жена Влада, словно очнулась, услышав её слова. Резко встав, она со всей злости шарахнула об пол красивый, ни в чём не повинный резной хрустальный стакан. Звонко тренькнув, он рассыпался на мелкие осколки на линолеуме в оранжевых слезах недопитого коктейля. Отрешённо посмотрев на его останки, убитая горем женщина, обессилено опустилась на табуретку. Увидев её убогий протест, моя мать презрительно фыркнула. А потом с видом оскорблённой справедливости удалилась за совком в ванную, чтобы убрать осколки с пола.

– Какая же она дрянь! Совершенно не умеет себя ве-

сти в приличном обществе! – возмущённо шепнула она мне на ухо, проходя мимо.

Я ничего не ответила ей, хорошо понимая насколько плохо сейчас этой отвергнутой мужем женщине.

Между тем, часы пробили полночь. Пора было ложиться спать. Но устроиться на ночлег оказалось не так-то просто. Пока ещё законной супруге Влада некуда было деться. Последняя электричка на Москву отбывала со станции через полчаса, а автобус, курсирующий до пригородного вокзала, уже уехал. Поэтому у неё не было другого выхода, как остаться и переночевать у нас. Но моя мать решила эту проблему весьма странным образом. Мы с Сергеем легли спать в маленькой комнате. Он – на раскладном кресле, а я на своей кровати. Соперницу же она устроила на ночь на раскладушке в гостиной, а сама с улеглась тут же, на софе, рядом с её законным мужем. Эта ситуация выглядела настолько противоестественно, что граничила с безумием. Но тем не менее, благодаря такому раскладу вещей, мама обрела, наконец, долгожданное личное счастье.

11 глава

Вот наконец и наступил день моей свадьбы. Он выдался хмурым и промозглым. С самого утра на улице как из ведра лил дождь, а небо было затянуто свинцовыми тучами. Наш брачный кортеж выглядел уныло. На автомобиле, в котором мы должны были с Сергеем отправиться во Дворец Бракосо-

четаний не было ни украшений из цветов, ни бутфорских колец, не говоря о традиционной кукле на капоте. Да и моё настроение было ужасным. Я была крайне измучена истериками мамы и её любовными разборками. А ещё постоянными издёвками надо мной. Она словно нарочно выискивала во мне недостатки, а потом с каким-то странным наслаждением высмеивала их. Даже перед моей свадьбой, она не упустила возможности опять уколоть меня.

– А я выгляжу не хуже тебя, несмотря на то, что старше на двадцать лет. Да и одета я лучше, чем ты, – она сделала многозначительную паузу, выпятив грудь и поправив пояс на новом платье, которое недавно купила, а потом зачем-то ехидно добавила, – хоть я и не невеста Сергея.

«Причём здесь ты»? – досадливо подумала я, не поняв, к чему она это сказала.

Но когда, держа Сергея под руку, я вошла в просторный зал под свадебный марш Мендельсона, и направилась к столу, за которым возвышалась дородная дама, ведущая церемонию бракосочетания, моё настроение пришло в норму, и я смело отдала себя на волю судьбе.

«Всё у меня будет хорошо», – оптимистично подумала я, поправив самодельную фату.

Слушая, как представительница отдела Загса произносит в нашу честь высокопарную речь, я стала ждать, когда же она спросит, согласна ли я выйти замуж за Сергея, а потом приготовилась дать ему прилюдно торжественную клятву быть

с ним в радости и в горе, в богатстве и в бедности, любить и хранить ему верность до конца наших дней. Но она почему-то ничего не спросила. Видимо, намаявшись за день от бесконечного повтора одного и того же традиционного текста, она просто забыла об этом. В итоге, пропустив эту немаловажную деталь церемонии, она пригласила подойти нас с Сергеем к столу. Придвинув к нам книгу регистраций, она предложила поставить в ней наши подписи.

Расписываясь в указанной графе, я отрешённо подумала, что клятву верности Сергею так и не дала. После чего мы, обменявшись кольцами, скрепили свежеиспечённый брачный союз поцелуем, а потом сразу же поехали праздновать сие судьбоносное событие в ресторан, где нас уже ждали гости.

В своей основной массе это были представители преклонного возраста. Так сказать, «нужные люди», которых с дальним прицелом пригласил Сергей на свадебный банкет. Моих немногочисленных друзей среди них не было.

– Нечего приглашать бесполезных нахлебников в ресторан, – заявил он.

И убедить его в обратном я не смогла. Хотя всю жизнь я мечтала о весёлой вечеринке, на которую придут мои сверстники, чтобы вместе отметить это знаменательное событие.

Глядя на престарелую публику, толпящуюся в фойе, я почувствовала, что невольные слёзы навернулись мне на глаза.

«Не такой должна быть моя свадьба, не такой!» – расстроено качая головой, подумала я, едва сдерживаясь чтобы

не заплакать.

Но я решила не распускать нюни, а вместо этого взять себя в руки, и смело пойти навстречу судьбе. Войдя в банкетный зал, и увидев накрытый стол с аппетитно пахнущими закусками, я обнаружила, что очень голодна. Вспомнив, что с утра у меня во рту не было и маковой росинки, я уселась во главе праздничного стола, взяла в руку вилку и принялась уплетать фирменный салат из крабов, а потом стала пробовать деликатесы, от которых ломился свадебный стол. Правда, бесконечные крики «горько», всё время отвлекали меня от еды. Но это не было серьёзной помехой. Поцеловав Сергея, я снова с удовольствием принималась за еду.

Мама всё это время сидела напротив меня с деревянным лицом. Она ждала своего ненаглядного Владика и видимо очень сомневалась в том, что он придёт, судя по выражению её глаз, в которых плескалась тоска, перемешанная с паническим ужасом.

Надо отдать должное Влад оказался искусным манипулятором. Изучив слабости моей матери, он постоянно заставлял её ревновать и сомневаться в нём, и тем самым держал на коротком поводке. Поэтому она волновалась только об одном сейчас: куда делся её драгоценный «принц».

Нарочно или нет, но Влад сильно опоздал и появился на свадебном торжестве где-то ближе к его середине. Не успел он войти в зал, мама тотчас расцвела, как маков цвет, бросилась со всех ног к нему, усадила рядом с собой

и принялась ему угождать. А я смотрела на неё и не узнавала. Всю жизнь она учила меня быть гордой, а сама стелилась сейчас перед этим мужиком, словно половая тряпка. Я просто не верила глазам.

Правда, мне вскоре надоело созерцать падение женского достоинства моей матери перед весьма посредственным представителем противоположного пола. Мне вдруг захотелось танцевать. В этот момент, словно по заказу, заиграла задорная музыка. Услышав её, я выскочила из-за стола и пустилась в пляс.

«Жизнь, несмотря ни на что, всё-таки прекрасна!» – весело кружась, подумала я.

– Серёжа! – позвала я мужа, – иди сюда! Потанцуем!

– Отстань! – вместо того, чтобы присоединиться ко мне, вдруг резко прикрикнул он на меня, а потом вдруг рявкнул, – сию же минуту прекрати балаган! Сядь на место!

Его глаза излучали такой ледяной гнев в этот момент, что от неожиданности я растеряно остановилась, а потом, понуро опустив голову, двинулась к столу и пристроилась за ним на краешке стула.

Мама, улучив момент, когда Влад пошёл в туалет, подсела ко мне.

– Как же ты дальше собираешься жить? – сочувственно сказала она, а потом театрально вздохнув, спросила, – Не успел он из жениха превратиться в мужа, как уже стал на тебя голос повышать.

Я ничего не ответила ей, потому что ком слёз, застрявший в горле, помешал мне что-либо сказать.

– Не любит он тебя, – на свой манер истолковав моё молчание, продолжила она.

– Ты не права! – горячо возразила я, – Серёжа любит меня! И мы обязательно будем счастливы!

В глазах моей матери промелькнула искренняя жалость.

– Тебе за Владика нужно было замуж выходить, – вдруг сказала она, – ты чуть-чуть ошиблась в выборе.

– При чём тут Владик? – пожала плечами я, – он-то тут с какого бока?

– Просто он тебе больше подходит, – ответила мама, – с ним тебе было бы очень хорошо, поверь. А вот с Серёжей вряд ли вы найдёте общий язык. Ему нужна совсем другая женщина, более мудрая, что ли.

– Твой Владик мне и даром не нужен, – устало перебила я её, – Да и женат он ко всему прочему. А все женатики для меня как мужчины просто не существуют.

– Ты на что намекаешь,? – с пол-оборота завелась мама, – на то, что я – падшая женщина?

– Я ни на что не намекаю, – отмахнулась я от неё, – просто мысли вслух.

– Ну и сиди при своих мыслях! – обиделась она и пошла искать Влада.

Но не успела мама отойти в сторону, как он неожиданно материализовался передо мной.

– Поздравляю, – сладеньким тенорком пропел он, чмокнув меня в щёку.

– Спасибо, – отозвалась я и, отпрянув от него, посмотрела ему в глаза.

От моего взгляда Влад вдруг странно съёжился, втянул голову в плечи, как черепаха, а потом пробормотал:

– У! Ведьма!

– Что? – не расслышала я.

– Ты сегодня очень красивая, – вместо ответа стал льстить он мне, и увидев, что мама приближается к нам, добавил неестественно громко, – такая же красивая, как моя Любочка.

Но я уже не слушала его. От усталости и нервного перенапряжения я вдруг ужасно захотела спать. Благо, что время уже приближалось к полуночи, а торжественный ужин к завершению. Правда добраться до подушки пока ещё было рано. Серёже некуда было меня привести после свадьбы. Не мог же он явиться вместе со мной в квартиру, где жила его бывшая жена и дочь. Поэтому мы должны были поехать ко мне домой.

А пока мы катили по ночной Москве, я ещё не успела понять, что навсегда расстаюсь с беззаботной счастливой жизнью. В дороге я незаметно задремала, укрытая ворохом цветов, подаренных гостями, словно одеялом. Машина летела по пустынному шоссе, убаюкав меня мерным шорохом шин по асфальту. Вокруг царила глубокая ночь, и когда мы при-

ехали домой, я бросив букеты, в наполненную до краёв водой ванну, быстро разделась и нырнула под одеяло. Сиротливо свернувшись калачиком под ним, я так и не дождалась мужа, хотя ведь это и была наша первая брачная ночь. А он не спешил разделить со мной супружеское ложе. Вместо этого Сергей отправился на кухню с приятелем, который вёз нас на машине, чтобы вместе с ним распить бутылочку вина в качестве благодарности за услугу. А я так быстро отключилась от внешнего мира, что и не заметила как оказалась в царстве Морфея. И мне в эту одинокую ночь приснился странный сон.

– У тебя в судьбе начинается непростая полоса, – сообщил мне некий человек с неясным лицом, – она будет тяжёлой настолько, что ты однажды даже решишь свести счёты с жизнью.

Слушая его, я попыталась рассмотреть его лицо, но мне этого не удалось сделать.

– Только не убивай себя, – попросил ночной гость, – потому что, если ты сумеешь достойно пройти все испытания, предназначенные судьбой, всё закончится в итоге очень хорошо.

– Кто ты? – спросила я.

Но он ничего мне не ответил.

12 глава

Осень пришла в негодность. Осыпаясь золотыми червон-

цами с деревьев, она наполнила природу предсмертным прохладным теплом. Красные и фиолетовые астры яркими пятнами пестрели на клумбах. Их пронзительный цвет, словно впитал последние силы перед грядущей смертью.

Незадолго до свадьбы Серёжа купил путёвки в номер-люкс в дом отдыха, который располагался недалеко от санатория, где я ещё числилась его сотрудницей. Там мы провели незабываемый медовый месяц, наслаждаясь друг другом, как и положено молодожёнам. За пределы номера мы выходили только для того, чтобы сходить в столовую.

Но медовый месяц быстро подошёл к концу. А после счастливых дней, наполненных любовью и нежностью, мне предстояло отправиться вместе с мужем на жительство в Москву.

Перед великим переселением, я забежала домой. Мне нужно было забрать кое-что из личных вещей. Я предусмотрительно позвонила в дверь, чтобы никого не смутить своим появлением. Поняв, что дома никого нет, я вставила ключ в замок и отворила её. Повесив в прихожей на вешалку пальто, и скинув сапожки, я вошла в комнату. Распахнув дверцы шкафа, я обозрела наши с мамой наряды, висевшие там, которые мы всегда носили на двоих. Немного поразмыслив, я решила, что будет правильно, если я возьму то, что чаще всего надевала. Достав дорожную сумку с антресолей, я тряпочкой смахнула тонкий слой пыли с неё, а потом положила внутрь джинсовую юбку, красный мохеровый свитер, кото-

рый связала сама, чёрные шерстяные брюки, синюю трикотажную водолазку и стильную блузку красивого изумрудного цвета.

«Это, вроде, как моё приданное», – подумала я и застегнула молнию на сумке.

Захлопнув дверцы шкафа, в котором осталось ещё много одежды, я со спокойной душой направилась в сторону серванта, в котором хранилась шкатулка с украшениями. Из неё я взяла кольцо и серьги, которые мама переделала в ювелирной мастерской из браслета сломанных золотых часов. Украшения, которые она покупала для себя, я не стала трогать.

Каково же было моё изумление, когда после моих недолгих сборов разразился дикий скандал. Я уже собиралась уходить, как услышала, что во входной двери заворочался ключ. Когда она отворилась, на пороге показался Влад и мама. Увидев меня с сумкой в руках, он подозрительно глянул на меня, а потом со всех ног бросился к шкафу. Не досчитавшись в нём нескольких женских шмоток, он громко хлопнул его дверцами, подскочил ко мне и пронзительно заорал:

– Как ты посмела ограбить свою мать?!

– Никого я не грабила! – растерянно попятившись от него, возразила я.

– Не грабила? А это – что, воровка? – принялся он обвинять меня в одном из семи смертных грехов, показывая пальцем на сумку.

– Это моё приданое, – испуганно проямлила я.

– Под шумок забрала Любочкину одежду, пока нас не было дома, и теперь то, что стырила, называешь приданым? – гаркнул Влад, – ловко же ты это дельце обстряпала!

– Ничего я не обстряпала, – отмерла я, – это мои вещи!

– Немедленно верни назад всё, что взяла! – пропустив мимо ушей мои доводы, потребовал он.

– Мама! Почему ты молчишь? – обратилась я к своей матери, наблюдавшей за нашей перепалкой, – Угомони его! Пусть не лезет не в своё дело.

Но моя мать, всегда готовая отдать мне последнюю рубашку, неожиданно взяла сторону Влада.

– Он прав, – ответила она, смущённо пряча глаза, – верни мои вещи. Брать чужое, нехорошо.

– Как, чужое? – оторопела я, – Да я эти вещи уже столько лет ношу!

– Но они были куплены на мои деньги, – поджав губы, процедила она, – значит, они не твои.

– Но я тоже не сидела у тебя на шее! – потрясённо воскликнула я, – я получала зарплату, которую всю до копейки отдавала тебе!

– Подумаешь! – огрызнулась она, а потом вдруг накинулась на меня, – твоих денег только на жарчку и хватало! А одежду эту я покупала на свои сбережения. Так что не надо тут права качать!

– Вот именно! – поддакнул Влад, – Поэтому давай, вешай всё, что спёрла, обратно в шкаф.

– Знаешь, что? – обозлилась я, – не суй свой длинный нос, куда не следует! Сначала разберись с женой, с которой ты, между прочим, ещё не развёлся, а уж потом дели наши с мамой вещи!

Услышав мою отповедь, он неожиданно заткнулся.

– Я пока ещё нахожусь в трезвом уме и твёрдой памяти, и понимаю, что на улице уже глубокая осень. Поэтому я не могу уйти из дома без штанов, в прямом смысле этого слова, – бросила я через плечо, направившись в прихожую, – я же не самоубийца!

– У тебя есть теперь муж, который обязан тебя кормить и одевать! – крикнула мне в спину мать.

– Конечно! Муж есть! – согласилась я, надевая пальто, – Но, как я уже сказала то, что я взяла – это моё приданое, о котором ты должна была позаботиться, зная что я когда-нибудь выйду замуж. Поэтому, давай, закроем эту тему раз и навсегда.

– Хватит с тебя того, что ты красивого мужика отхватила, – прошипела она, а потом осеклась, поняв, что сказала лишнее.

13 глава.

Выйдя из подъезда на улицу, я вдруг почувствовала себя круглой сиротой. А потом у меня сдали нервы и я заплакала. Вот такая зарёванная я и предстала перед мужем. Он помог мне снять пальто. Сев на корточки, и расстегнув молнию,

Сергей снял с меня сапоги.

– Что случилось, душа моя? – участливо спросил он.

– Я поссорилась с мамой, – пожаловалась я и рассказала ему о том, что произошло.

– Не расстраивайся, – вставая, мягко сказал он, обняв меня, и ласково погладив по голове.

Я доверчиво приникла щекой к груди мужа и снова всхлипнула. А он тем временем пообещал:

– Всё у нас с тобой будет хорошо. Вот приедем в Москву и заживём как все люди. А жить мы будем дружно. Я сниму для нас комнату. А потом устрою тебя на работу в хорошее место. Я уже обо всём договорился со своими знакомыми, которые помогут нам и с жильём, и с твоим трудоустройством.

Как же его обещания оказались далеки от действительности! Вместо безоблачного будущего, которое Сергей мне нарисовал, меня ждала жизнь, в которой проблема на проблеме сидела и проблемой погоняла. Ведь как только мы приехали в Москву, сразу же выяснилось, что жить нам негде, поскольку хозяйка комнаты, о которой говорил муж, ему в своих услугах неожиданно отказала. Да и в престижную поликлинику меня не взяли из-за отсутствия московской прописки.

Не желая повиснуть балластом на шее у супруга, который пока ещё выплачивал алименты несовершеннолетней дочери, я согласилась на первое попавшееся предложение

и устроилась в одну из столичных больниц в кишечное отделение.

Моя работа там оказалась, мягко говоря, малоприятной. Мне приходилось ежедневно ставить пациентам по десятку клизм и делать столько же промываний кишечника. Но быть иждивенкой для меня было гораздо страшнее, чем изымать фекалии из человеческих организмов и вдыхать соответствующие запахи. Да и атмосфера в коллективе, куда я попала, была подобающей. Культурный уровень тех людей, с которыми я бок обок теперь трудилась, был очень низким. Интеллектуальных бесед здесь никто никогда не вёл. Моим коллегам было не до этого. Здесь изо дня в день процветали склоки. Потому что этим людям нечем было жить, кроме интриг.

Вращаясь изо дня в день в этом коллективе, я в конце концов стала растерянно думать: «И зачем мама приучала меня к этикету и умению вести себя в приличном обществе? К чему мне изысканные манеры, привитые ею, здесь, рядом с кружкой Эсмарха и сотней ректальных наконечников?»

После этого я испытала первое разочарование в прелестях семейной жизни. Но ещё больше оно усугубилось, когда я поселилась жить под одной крышей со свекровью. Ведь Сергею ничего не оставалось делать, после того, как хозяйка, комнаты, которую он хотел снимать для нас, отказала ему, как привести меня к своей матери. Правда, когда мы вошли в её квартиру с дорожной сумкой в руках, я поняла, по её

округлившимся в изумлении глазам, что Сергей ни о чём её не предупредил.

– Нам некуда идти, – поставил он её перед фактом, – Так что тебе придётся пригреть нас у себя, мама.

Перестав на какое-то время соображать от нашего неожиданного вторжения, пожилая женщина смиренно приняла нас в свой дом и пустила на постой в проходную комнату. Но, спустя несколько дней, она очнулась и поняла, что соседство с нами ей совсем не нравится.

– Я что-то никак не пойму, почему на старости лет я должна заниматься вашими проблемами? – стала вопрошать она, – Ведь ты, Серёжа, большой мальчик, а ты, Ася, взрослая девочка. Прежде чем пожениться, вы должны были подумать о том, что вам после свадьбы негде будет жить.

Нам нечего было ей ответить. А она тем временем решила любой ценой избавиться от нас. Для этого она принялась сталкивать нас лбами. Сергею она говорила:

– Смотри, сынок, взял замуж молодую, как бы она тебе рога не наставила в будущем.

А мне стала расписывать, какая у Серёжи была красивая первая жена и как он любил её.

– Он так сильно переживал их разрыв, что попал на нервной почве в больницу, – как-то раз сказала она.

Видя, что я нахмурилась, свекровь с искренним сожалением в голосе продолжила:

– Но она всё равно бросила его больного, хотя он умолял

её вернуться.

Слушая её рассказы, я очень расстраивалась. А она, видя, что я сильно переживаю от её ветвистых баек, продолжала действовать в том же духе.

– Серёжина жена была такая красивая, не то, что ты, дурнушка. И что в тебе нашёл мой сын? – презрительно говорила она, – Да ещё и профессия у тебя какая-то непрестижная! Простая медсестра! Вот первая Серёжина жена закончила ВУЗ, а ты – что?

Правда, у самой свекрови образование ограничивалось всего лишь семью классами, но несмотря на это, она себя считала очень умной.

Естественно, что после общения с ней я получила огромную массу комплексов и стала ужасно страдать от собственной неполноценности. Спрятавшись в ванной от посторонних глаз, я принималась украдкой плакать. Серёже я ничего не говорила о своих переживаниях, боясь огорчить его. Но однажды, когда я забыла закрыться на задвижку, он застал меня, сидящую на бортике ванны, и утирающуюся носовым платочком, насквозь мокрым от слёз. Увидев мою зарёванную физиономию, Сергей заставил меня рассказать, отчего я плачу. Не в силах больше сдерживаться, я выложила ему всё начистоту. Внимательно выслушав меня, он вытер ладонью мои слёзы. Потом взял за руку и вывел из ванной.

– Не слушай мою мать, – усадив меня на софу, мягко сказал он, – Всё совсем не так было. Я в больницу попал не из-

за нервного срыва, а потому что простудился, когда ездил с коллегами в лес за ёлками под Новый год для сотрудников моего предприятия. Когда моя бывшая жена узнала, что я заболел, она даже навестила меня. Но мы были уже разведены с ней тогда.

Я молча слушала мужа, глядя на него во все глаза.

– Знаешь, тогда, в больнице я почувствовал, что беспросветно одинок, – вдруг признался он, перехватив мой взгляд, – Мне было настолько плохо от этого, что я мысленно взмолился: «Господи, если ты есть, пошли мне, пожалуйста, счастье!» И Бог услышал меня! Он послал мне тебя, Ассоль!

Он улыбнулся и потрепал меня по влажной от слёз щеке.

– Когда я тебя увидел, сразу же, с первого же взгляда, очень полюбил. Ведь ты – женщина моей мечты, – слегка смущённо сказал Сергей.

После его слов мои слёзы тотчас высохли и я почувствовала себя почти счастливой.

14 глава

Чтобы выжить из своего дома, свекровь заклевала нас с мужем до крайности. Но мне иногда казалось, что ей просто нравилось говорить гадости.

– Не вздумай прописывать жену, – внушала она Сергею, – как только ты сделаешь это, она тут же бросит тебя, потому что вышла замуж по расчёту, чтобы осесть в Москве.

Сергей не разубеждал её. Он просто стал задерживаться

на работе допоздна, чтобы поменьше общаться со своей матерью. Доказывать, что он не верблюд, он не смел. Ведь мы жили у свекрови на птичьих правах.

«Да какой брак по расчёту!?! – узнав об этом разговоре, мысленно возмутилась я, – я никогда не стремилась жить в Москве! Мне за городом, жилось гораздо лучше, чем здесь. И потом: какой такой расчёт? Сергей не имеет крыши над головой, разведён, платит алименты. Неужели она не понимает, что я его просто люблю. Или она считает, что он не достоин любви?»

Но я не рискнула высказаться вслух, боясь быть выгнанной на улицу посреди зимы. Ведь я давно поняла, что обитая со свекровью в одном доме, нужно даже её тапки на «Вы» называть. А уж чего-то доказывать – и подавно!

Но самое ужасное было даже не в этом. Я вполне могла ужиться со сварливой бабкой, применив давно испытанный метод властвования покорностью. Дело было совсем в другом. Спустя месяц, после того, как мы поселились у неё, Сергей неожиданно запил. А пить, как выяснилось, он не умел: у него напрочь отсутствовал стоп-сигнал против алкоголя. Поэтому он наливался водкой до такого состояния, что выражение «мертвецки пьян», было как раз про него. Как правило, домой его приносили ближе к полуночи сослуживцы, с которыми он пил. А когда Сергей приходил в себя, то разлепив мутные глаза, потерявшие от алкогольной интоксикации свой небесно-синий цвет, он принимался ругаться таким

многоэтажным матом, что у меня уши сворачивались в трубочки от некоторых выражений, изрыгаемых им.

Поначалу я терялась, не зная, как мне вести себя дальше. От досады и глубокого разочарования я принималась плакать, надеясь, что мои слёзы подействуют на мужа, и он прекратит безобразничать. Но Сергей, только в первый раз, когда я громко зашмыгала носом, сиротливо свернувшись калачиком на софе, отреагировал так, как мне было нужно. Обняв меня, он поклялся, что ничего подобного больше не повторится. Но потом он снова и снова являлся после работы в стельку пьяным и с порога начинал жутко сквернословить. Не в состоянии терпеть его выходки, спустя какое-то время, я решила усовестить мужа.

– Тебе не стыдно, Серёжа? – упрекнула я его однажды, – Вот выгонит твоя мать нас из дома на улицу, когда ей надоест терпеть то, что ты тут устраиваешь, куда мы денемся?

– Закрой хлебoreзку, дура! – мгновенно впад в бешенство, заорал Сергей, – нечего мне указывать, как жить! Я руководитель солидного предприятия и не собираюсь прогибаться под глупых баб!

А потом он размахнулся и чуть не ударил меня кулаком по лицу. Рефлекторно прикрывшись руками, я испуганно отшатнулась от него. Затравленно посмотрев на мужа сквозь растопыренные пальцы, я ужаснулась, едва поверив в то, что вижу. Его красота в этот момент вдруг перешла какую-то невидимую грань. Непостижимым образом сквозь благород-

ную внешность Сергея проглянул жуткий монстр с уродливой личиной, прямо у меня на глазах превращая его в безумное чудовище. От страха я вся похолодела. А потом выбежала из комнаты и спряталась в туалете. Сергей бросился за мной. Дёрнув дверь за ручку, он понял, что она заперта и стал молотить по ней изо всех сил кулаками. Вжавшись в холодную стенку, ощущая как сотрясается хлипкая дверь от ударов мужа, у меня от ужаса душа ушла в пятки. А он между тем заорал на весь дом:

– Открой, сука! Иначе я тебя убью!

Так продолжалось до тех пор, пока не вмешалась све-кровь.

– Сергей! Прекрати хулиганить! – прикрикнула она на него, – иначе я полицию вызову!

Её угроза мгновенно подействовала. Муж тотчас угомонится и отправился спать. А как только он пьяно захрапел, я робко пристроилась у него под боком. Но уснуть я не смогла. Он стал выдавать такие оглушительные рулады храпа, что под них путь в царство Морфея был мне заказан.

– Серёжа, – ласково погладив мужа по плечу, шёпотом попросила я, промучившись почти до утра, – повернись, пожалуйста на бок. Я из-за твоего храпа не могу заснуть.

– Что? – резко вскинувшись, хрипло пробормотал он.

– Повернись на бок, – взмолилась я, – ты храпишь и мешаешь спать, а мне скоро на работу вставать.

– На работу?! – взревел он и наотмашь ударил меня по ли-

цу, а потом презрительно хмыкнул, – работница, блин!

Когда он отвернулся к стене, я горько заплакала.

– Мамочка, – тихо всхлипывала я, – мамочка! Где ты, моя мамочка!

Утром в поисках утешения и поддержки я решила позвонить маме и поплакаться ей в жилетку.

– Мне так плохо, мамуля, – зашмыгала я носом, как только услышала в трубке её голос.

– Прекрати мне звонить, – даже не выслушав мою исповедь, перебила она меня, – хватит мешать мне жить! Вышла замуж, вот пусть твой муж теперь и возится с тобой! А я тебе больше не нянька!

Вслед за этим она бросила трубку. Услышав короткие гудки, я поняла, что отныне, решать свои проблемы мне нужно научиться самостоятельно. Только с этой задачей справиться в одиночку мне было очень трудно. Ведь с работы я приходила крайне вымотанная. А в доме свекрови мне негде было уединиться, чтобы немного отдохнуть и зарядить, севшие за трудовой день эмоциональные батарейки.

«Ах! Вот бы мне найти маленькую норку, в которую я смогла бы спрятаться, хоть ненадолго», – мечтала я.

Но спрятаться мне было негде. Наспех перекусив, я пристраивалась на колченогом стульчике, стоявшем в углу у стены в гостиной, и принималась терпеливо ждать, когда свекровь пересмотрит все телевизионные передачи и освободит софу, удалившись в спальню. Только после этого я могла

лечь спать.

«Как мне хорошо было с мамой, – глотая слёзы, думала я, сидя в своём углу, – у меня был замечательный дом. Не было только любви, которой я так жаждала. А теперь у меня ничего нет. И любви, в том числе, тоже».

От этих мыслей мне становилась так плохо, что я готова была зареветь в голос.

Что касается Сергея, то он стал теперь, как правило, возвращаться с работы за полночь. Едва переступив порог, он тут же начинал срывать на мне злость, накопившуюся за день, или пьяно отрубался. Во сне он часто бормотал имя первой супруги. Слушая, как он зовёт её, я от горя готова была умереть.

«Муж не любит меня, – всхлипывала я, – он женился на мне назло бывшей жене».

В конце концов подобная жизнь стала настолько невыносимой, что я решила повеситься. Я дождалась, когда осталась одна в квартире. Отреши́нно вытащив из шкафа галстук мужа, я привязала его одним концом к ручке балконной двери, а на другом конце сделала петлю и всунула в неё голову. Потом я мысленно попрощалась с мамой и принялась затягивать потуже удавку на шее.

«Что ты делаешь? – вдруг пронеслось в моей голове, когда мне стало трудно дышать, – Ведь самоубийство – это смертный грех»!

Эта мысль мгновенно привела мой пошатнувшийся разум

в норму.

«Действительно! Что это со мной? – очнулась я, и ослабив петлю вылезла из неё, а потом подумала, – смерть – это не выход. Просто попытка устранить фактор безысходности и боли. Только способ этот в данном случае уж совсем не подходящий».

Уже потом, убирая галстук Сергея обратно в шкаф, я решила: «Надо жить дальше, несмотря ни на что. Иначе недолго и рехнуться».

А потом продолжила влечить незавидное существование в том аду, в который я сама себя по глупости запихнула. Изредка я вспоминала свой странный сон, в котором загадочный человек, умолял меня перетерпеть и пережить этот непростой для меня отрезок времени.

«Потерявши голову, по волосам не плачут, – горестно вздыхая, думала я, понимая, что этот сон был вещим, – поздно теперь раскаиваться. Сейчас нужно только смириться и ждать. Ведь мой ночной гость пообещал, что в конце концов всё будет хорошо».

Но смириться с тем образом жизни, который я вела, было нелегко. Вечерами, после работы мне так не хотелось возвращаться туда, где меня никто не ждал. Поэтому, спустившись в метро, я садилась на кольцевую ветку и часами каталась по кругу. Ведь здесь меня никто не обижал, не бил, не обзывал. Иногда я незаметно задрёмывала, иногда читала. Так я отдыхала после работы.

Конечно, можно было бы взбунтоваться и в знак протеста провести ночь где-нибудь на вокзале, попытавшись испугать новых родственников своим отсутствием под их негостеприимной крышей. Но врождённый инстинкт самосохранения гнал меня ближе к ночи под чужой кров, который при всём желании своим я назвать не могла.

«Да, в общем-то, мне некого пугать, – невесело думала я, – вряд ли кто-нибудь заметит, что я не пришла с работы. Муж вечно пьян, а свекрови так вообще моё исчезновение будет на руку».

И это было правдой. Желая показать, что я в её доме – временное явление, она не дала мне даже ключ от входной двери квартиры. Когда там никого не было, я вынуждена была сидеть на лестнице, подстелив газетку на ступеньке, и ждать, когда кто-нибудь придёт и откроет дверь.

– Сделайте мне ключи, пожалуйста, – однажды, набравшись смелости, попросила я, – мне холодно в подъезде ждать, когда никого нет дома.

Но моя просьба осталась без внимания. Поэтому, чтобы не маяться под дверью, я нашла себе прибежище – метро.

Вот так беспросветное одиночество стало для меня горькой расплатой за безрассудное стремление выйти замуж.

15 глава.

Однажды рано утром, в субботу, я проснулась от какого-то непонятного шума. Открыв глаза, я увидела свекровь,

размахивающую у меня перед носом старым пыльным веником.

«Боже! Я так хотела выспаться в этот выходной!» – еле скрывая досаду, безмолвно простонала я.

– Нельзя ли начать уборку позже, когда мы проснёмся? – постаралась, как можно вежливее, попросить я.

Но свекровь, словно только и ждала, когда я открою рот, чтобы зацепившись за самое безобидное слово, устроить грандиозный скандал. Продолжая поднимать грязным веником в воздух, накопившуюся за неделю пыль, она заорала:

– Если тебе что-то не нравится, то можешь сию же минуту убираться вон из моего дома!

Я ничего не смогла ответить. Я только затравленно обернулась на мужа, который лежал рядом. Но он вместо того, чтобы уладить конфликт, сделал вид, что спит и не слышит ничего: его дыхание было ровным, а лицо спокойным.

– Даю вам срок, – между тем заявила свекровь, – чтобы через месяц я тут вас больше не видела!

Её ультиматум оказался последней каплей, в до краёв наполненной чаше моего терпения.

«Я не могу больше жить здесь!» – мысленно воскликнула я и резво спрыгнула с софы. Наспех одевшись, я ни слова не говоря, вылетела на космической скорости из подъезда на холодную улицу и пулей помчалась к метро. Ворвавшись в вагон подземки, словно в родной дом, я плюхнулась на дерматиновое сиденье, и впала в забытьё.

Правда, покатавшись какое-то время по кольцу, я слегка поостыла.

«Как же мне быть? Куда теперь идти? – стала растерянно думать я, – Ведь обратного пути больше нет: свекровь выгнала меня из дома».

Мысленно пошарив по закоулкам памяти, я вспомнила, что с утра муж, несмотря на субботний день, собирался пойти на работу.

«Поеду к Серёже, – решила я, – а там вместе что-нибудь придумаем»!

Через сорок минут, вбежав в кабинет Сергея, я плюхнулась к нему на колени. Обвив его шею руками, я припала к груди мужа, ища поддержки, и тихо всхлипнула. Но он даже не обнял меня.

– Ну, и что мы будем теперь делать? Куда пойдём? – едва сдерживая раздражение, спросил он.

Услышав ледяные нотки в голосе мужа, я оторвалась от его груди. Поглядев в его глаза, я неожиданно увидела в них странное выражение, очень похожее на брезгливость.

«Он смотрит на меня, словно на таракана», – пронеслось в моей голове.

Не в силах выдержать этого, я растерянно отвела глаза в сторону и наткнулась взглядом на телефонный аппарат, стоящий на рабочем столе мужа. В этот момент меня, словно озарило. Я молча потянулась к нему. А потом принялась отрёшённо набирать номер телефона мамы. Я очень надеялась

на то, что она ответит мне.

К счастью через пару мгновений я услышала её голос.

– Мама, нас с Серёжей выгнали из дома! – чуть не плача, воскликнула я, – Помоги нам!

– Почему я должна помогать твоему мужу? – деловито спросила она.

– Не ему, мама, помоги мне! – в отчаянии крикнула я.

Она немного помолчала, словно что-то взвешивала в уме, а затем сказала:

– Хорошо! Мы с Владиком уступим вам квартиру, которую снимаем. Записывай адрес. Переезжайте туда, хоть сегодня. Я сейчас там и жду тебя.

Боясь, что она передумает, я схватила ручку, лежавшую на столе, и записала номер дома и квартиры, которые продиктовала моя мать. А когда она отключилась, я спрыгнула с колен Сергея и помчалась вон из его кабинета, крикнув на ходу:

– Вечером приезжай по этому адресу! Только заведи наши вещи у свекрови.

Как я доехала до места, я не помню. Способность трезво мыслить у меня восстановилась только после того, как я ощутила в руке металлическую прохладу ключей, которую мне вручила мама.

– Мамочка, большое тебе спасибо! Ты спасла меня! – обессилено опустившись на тахту, стоящую в маленькой уютной комнате, тихо сказала я.

Глядя в мои, переполненные благодарными слезами глаза, мама укоризненно покачала головой. Ни о чём больше не спрашивая, она направилась в прихожую и стала там одеваться. Наблюдая за ней, я мысленно отметила, что мама выглядит сногшибательно.

Она была стильно одета и умело подкрашена. Но сил на то, чтобы сказать ей комплемент, у меня не было.

«Господи! Я сегодня могла остаться ночевать на улице»! – мысленно ужаснулась я.

Осознав подобную перспективу, я впала в глубокий ступор. Мама, тем временем, оделась. Перед тем, как уйти, она сухо попрощалась со мной. Я вымученно улыбнулась ей в ответ. Странно хмыкнув, она ушла, громко хлопнув входной дверью. А я после её ухода и не заметила, как провалилась в тяжёлый сон, так и сидя на тахте в уличной одежде.

Из забытья меня вывел резкий звонок в дверь. Услышав его, я радостно встрепенулась и ринулась в коридор отворять дверь. Увидев на пороге Сергея, я бросилась ему на шею и крепко поцеловала. Радужные надежды снова переполняли меня.

«Теперь быть счастливой мне никто не помешает, – ликовала я, – наконец-то, мы будем жить с Серёжей одни»!

16 глава.

Так прошло несколько месяцев. Это время мне показалось настоящим раем. Как только мы отселились от свекро-

ви, Сергей перестал пить, и мы с ним стали очень ладить. Он оказался на редкость понимающим супругом. Всегда выслушивал мои жалобы и заботливо вытирал слёзы, если я огорчалась, не в силах справиться с какими-нибудь проблемами. Я же в свою очередь, старалась быть ему примерной женой. Я добросовестно вела хозяйство и поддерживала уют в доме. Вернувшись с работы, я сразу же принималась готовить ужин по рецептам из увесистой поваренной книги, доставшейся мне по наследству от бабушки. Я пыталась разнообразить меню и каждый раз готовила что-нибудь новенькое. В итоге я стала неплохой кулинаркой и даже сама пробовала изобретать блюда, чтобы угодить Сергею. Поэтому в канун годовщины нашего знакомства я задумала нечто особенное.

– Я хочу провести с тобой незабываемый вечер, – предложила я Сергею, – и отметить нашу годовщину. Ведь мы уже целый год вместе.

– Я не возражаю! – одобрил он моё предложение.

– Ах! – повиснув на шее у мужа, воскликнула я, – тогда я приготовлю для тебя приятный сюрприз!

– Отлично, – улыбнулся Сергей, – я тоже чем-нибудь тебя удивлю.

Предварительно, побегав по магазинам, я в приподнятом настроении примчалась с работы домой с сумками, набитыми провизией. Быстро их разобрала, я принялась за обещанный ужин. Когда он был готов, я слегка подкрасилась, надела недавно купленное мне мужем платье, и пару минут покру-

тилась перед зеркалом, оценивая свой внешний вид. А потом уселась в ожидании Сергея перед празднично сервированным столом.

Но прошёл час, а потом ещё один, а муж так и не появился. Изысканный ужин безнадёжно остыл. Я растеряно смотрела на накрытый стол и чуть не плакала от обиды.

«Серёжа с минуты на минуту придёт», – стараясь сдерживать слёзы, уверяла я себя.

Но он не пришёл. А я так и просидела весь вечер в полном одиночестве, пока кухонные часы не пробили одиннадцать раз. Поняв, что праздник отменился, я перестала сдерживаться и в голос зарыдала.

Между тем, стрелки на часах, неторопливо двигаясь по кругу, уже почти сомкнулись на цифре двенадцать, когда я услышала, как открылась входная дверь.

«А! Явился, наконец! Ну сейчас ты получишь у меня!» – мысленно пригрозила я Сергею, метнувшись в прихожую.

Затем я приготовилась произнести суровую обвинительную речь. Но слова так и застряли у меня в горле, когда я увидела мужа.

«Господи! Да он же в дугу пьян!» – оторопела я.

Сказать, что я была возмущена – это ничего не сказать. Поэтому я, гордо вскинув подбородок, с видом оскорблённой царственной особы удалилась в комнату, желая продемонстрировать Сергею своё крайнее негодование и презрение.

«Ну, уж дудки! – сердито подумала я, плюхнувшись в кресло, – пока он не извинится за сорванный праздничный вечер, я его не прощу»!

Но Сергей и не думал извиняться. Слегка покачиваясь, он вошёл вслед за мной в комнату.

– Что надулась, коза? – заплетающимся языком спросил он, пренебрежительно ухмыльнувшись

В ответ я обиженно зашмыгала носом. Но на Сергея мои всхлипывания не произвели должного впечатления. Наоборот! Они его дико разозлили.

– Хватит нюни распускать, хныкалка! – с пол-оборота завёлся он, – Теперь по какому поводу реветь собралась?

– А ты не догадываешься? – вопросом на вопрос ответила я.

– Нет! – рявкнул Сергей, вызываяще уперев руки в бока.

– Мы же хотели посвятить этот день друг другу, – обиженно напомнила я.

В этот момент мне стало так жалко себя, а заодно и пропавший ужин, что я жалобно заплакала.

– Я так тебя ждала! – сквозь слёзы укорила я мужа, в надежде вызвать в нём угрызения совести.

Но Сергею не было стыдно.

– Я устал от твоих истерик! – вдруг заорал он так громко, что я от неожиданности подпрыгнула в кресле, а потом испуганно посмотрела на него. Мой взгляд окончательно вывел мужа из себя.

– Прекрати строить из себя Золушку! – пошёл вразнос Сергей, – я не обязан возиться с тобой! Под моим руководством находятся две тысячи человек! Я не желаю утирать тебе сопли до конца дней!

– Ты больше не любишь меня! – размазывая слёзы вместе с тушью и помадой по лицу, в голос заревела я в надежде на то, что муж образумится и начнёт переубеждать меня в обратном.

Но вместо клятв в вечной любви, он взорвался таким отборным матом, словно неосторожно затронутый неопытным сапёром ржавый фугас. Чтобы не слышать грязных слов, изрыгаемых мужем, я выбралась из кресла и направилась на кухню.

«Надо убрать со стола», – отрешённо подумала я.

Но Сергей преградил мне путь туда. Продолжая свой словесный понос, он со всей силы двинул мне кулаком по лицу. От его мощного удара моя голова запрокинулась назад. Я даже не успела понять, что произошло, как он, размахнувшись, снова ударил меня. От этого удара я не смогла устоять на ногах. Потеряв равновесие, я звонко шлёпнулась попой на паркет. Выгаращив, полные ужаса глаза, я неподвижно застыла на полу.

– Серёжа, – еле слышно прошептала я, – у нас же сегодня годовщина! Ты что? Забыл?

– Да пошла ты со своей годовщиной к едрёной Фене! – огрызнулся он.

Не понимая, что происходит, я продолжала смотреть на мужа снизу вверх.

«Где мой внимательный и заботливый Серёженька»? – потрясённо подумала я.

А он вдруг завопил, не выдержав моего непонимающего взгляда:

– Да мне женитьба на тебе давно уже поперёк горла встала! Я уже сто раз пожалел о том, что связался с тобой, дебилка хренова!

Я смотрела на него и не верила глазам.

– Я не дебилка! – обиженно воскликнула я.

– Заткнись! – рявкнул Сергей и, устало опустившись на табуретку, пригрозил, – не то я прибью тебя!

Но я не в силах была остановиться.

– Как ты можешь так поступать со мной? – взвилась я, а потом попрекнула, – я тебе отдала всё самое дорогое, неблагодарный! Я не заслужила такого отношения!

– Что?! Что ты мне отдала?! – вскочив с табуретки и, подлетев ко мне, заорал Сергей.

– Свою чистоту и невинность, – оскорблённо ответила я.

– Да ты меня благодарить должна за то, что я тебя подобрал и отымел! – прошипел Сергей, а потом пьяно заржал, – да, если бы не я, ты навсегда бы в старых девах осталась, перезрелка тупая!

Вслед за этим он больно пнул меня ногой, а потом, схватив за шиворот, потащил в коридор.

– Пошла отсюда вон! – заорал он, открыв дверь, и попытался вытолкнуть меня на лестницу.

– Мама! – отчаянно цепляясь за дверной косяк, в ужасе закричала я.

– Вот и валяй отсюда к своей любимой мамочке! – завопил Сергей, а потом ещё сильнее разозлился, – Любка, видите ли, избавилась от тебя! Выпихнула замуж, а я с тобой теперь нянчиться должен, бесприданница чёртова!

– Ты делаешь мне больно! – пытаюсь вырваться из его цепких рук, снова заплакала я.

– Больно ей! – скривился Сергей, ослабив хватку, а потом, дав мне пинка под зад, гаркнул, – А мне наплевать! И вообще! Завтра я подаю на развод!

– Куда же я пойду?! – в отчаянии воскликнула я, потирая ушибленное место.

– Куда хочешь! Хоть в могилу, хоть на тот свет! – рявкнул он, а потом страдальчески подняв к потолку глаза, взвыл, – как же ты мне надоела! Дура! Сил нет! Я покоя хочу! А тут – вместо покоя один вынос мозга.

– Серёженька! – запричитала я, бросившись к нему на шею, – Ты же мой свет в окошке, ведь у меня, кроме тебя, никого нет. Я, просто скучала по тебе, а ты всё не приходил. Ты вспомни, мы же сегодня хотели побыть вместе...

– Ну вот опять мыльную оперу включила! – простонал Сергей, грубо оттолкнув меня, – Да, что у тебя гордости нет? Липучка! Подбери сопли сейчас же! Вон, вся рожа распухла,

смотреть страшно! Да и умойся, пойдёшь. Смой боевую раскраску. А то на попугая похожа!

– Прости, – пролепетала я, поспешно вытирая слёзы, – я не буду больше плакать.

– Не будешь? – снова рассвирепел Сергей, – не будешь?!

С перекошенным от злости лицом, он схватил меня за плечи, и стал трясти так, что у меня из стороны в сторону замоталась голова. А потом опять ударил по лицу.

«Боже, милосердный! Что же это? Меня никто никогда не бил!» – молча, издала я отчаянный крик.

Словно услышав его, Сергей вдруг резко оттолкнул меня и снова рухнул на табуретку.

– Пустышка, – процедил он сквозь зубы, – бесполезная тварь. Никакого толку от тебя нет, только одни проблемы. На фиг я с тобой связался? Сам не пойму.

Но я не расслышала, что он сказал. Я понуро брела в ванную умываться. Поглядев там в зеркало, я ужаснулась. Моё лицо было в чёрно-красных разводах от размытого слезами макияжа. Веки распухли, а волосы торчали дыбом. Приведя себя в порядок, я пошла на кухню, решив всё же убрать никому не нужный остывший ужин в холодильник.

– Ты ещё здесь? – услышала я голос Сергея, – я же тебе сказал выметаться отсюда вон.

– Да я с радостью бы ушла, если бы знала, куда! Мне тоже такая жизнь надоела! – огрызнулась я, – но идти мне некуда! Не на улице же мне жить?

– Ладно, – вдруг смягчился Сергей и разрешил, – Твоя правда. Пока побудешь здесь.

И я осталась. Хотя, если вдуматься, то уйти должен был он. Ведь это моя мать уступила нам эту квартиру. Поэтому гнать меня сейчас из неё он не имел никакого права. Но я об этом не успела подумать. Едва добравшись до кровати, я так и уснула, зарёванная, не в силах даже раздеться. А, как только мои веки смежились, явь для меня превратилась в страшный сон. Мне привиделось, что я нахожусь в подземелье. Вокруг темно и сыро. Влажные стены сплошь покрыты сизой плесенью, а повсюду витают чёрные тени. Мне стало так страшно, что я громко закричала, пятась к склизкой стене, в надежде найти, хоть какое-нибудь укрытие. Но стена была ровной. Она ни конца, ни начала не имела. В поисках выхода я подняла голову вверх. В этот момент оттуда блеснул яркий луч света. Услышав звуки музыки, под которую наверху кружились весёлые и нарядные парочки, я стала громко звать на помощь. В этот момент жуткие тени начали кольцом смыкаться вокруг меня. С ужасом наблюдая за ними, я истошно завизжала и проснулась. А потом я увидела Сергея, сидящего рядом со мной на кровати, и поняла, что никаких ужасов, на самом деле, нет.

– Что с тобой, душа моя? – участливо спросил он, глядя на меня глазами глубокого синего цвета.

Всё ещё испытывая, леденящий душу ужас, я пересказала ему свой сон. Выслушав меня, Сергей покаянно покачал ру-

сой головой и смущённо сказал:

– Прости меня, это я виноват! Обидел тебя вчера, вот тебе всякие кошмары и снятся.

Затем он принёс из кухни букет белых хризантем и смущённо попросил:

– А теперь, с небольшим опозданием, прими от меня поздравления с нашим маленьким юбилеем и в знак любви ко мне возьми эти цветы. И пожалуйста не сердись на меня, дурака, за вчерашнее.

Я с благодарностью приняла букет из рук Сергея. Потом он вынул из внутреннего кармана пиджака синюю бархатную коробочку и открыл её. Там лежали изящные золотые серёжки с вставками из красного корунда.

– Ой! Какая прелесть! – воскликнула я, а потом посмотрев на свою руку, на пальце которой был надет перстенёк с маленьким рубином, подаренный мне бабушкой, добавила, – они так подходят к моему кольцу!

Сергей удовлетворённо улыбнулся.

– А уж, чтобы полностью искупить перед тобой свою вину, я приглашаю тебя сегодня вечером в ресторан на праздничный ужин, – виновато улыбнувшись, сказал он.

– Нет, Серёжа, – возразила я, – я столько вчера приготовила вкусностей, что их нужно обязательно съесть, иначе всё испортится и мои старания полетят коту под хвост. Да и ресторан – это очень дорого. Зачем тратить деньги, когда можно отлично поужинать в уютной домашней обстановке?

Вместо ответа Сергей наклонился и нежно поцеловал меня.

Я с радостью ответила на его поцелуй, стараясь однако при этом не показать, как мне стало больно, когда он ненароком прикоснулся к моей распухшей щеке.

В этот момент я предпочла забыть нашу ссору. Хотя, возможно, мне бы следовало серьёзно задуматься над тем, отчего это вдруг мой драгоценный супруг накануне пригрозил мне разводом и пожелал сойти в могилу. А ещё вспомнить известную поговорку: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Но я решила простить зверскую выходку мужа лишь только за один его поцелуй.

«Эта сцена примирения получилась, словно в мексиканском сериале», – вдруг развеселившись, подумала я.

Будучи непроходимо наивным человеком, я решила, что подобный инцидент больше не повторится. Мой неисчерпаемый оптимизм помог мне в это поверить. Он был для меня спасением и даром одновременно. Ведь все трудности, которые происходили со мной, я считала преодолимыми во имя великой любви. А сама я любую ночь могла вынести, ради неё. Только муж, в отличие от меня, испытывал ко мне совсем иное чувство, которое было банальной страстью к молодой, сексуальной женщине. Настроение Сергея менялось с периодичностью морских приливов и отливов. Влюблённость чередовалась с агрессией. Утолив страсть, он становился равнодушным, а мои проблемы выводили его из себя.

17 глава.

Влад развёлся с женой. Процедура развода далась ему нелегко. Его бывшая супруга долго и упорно отказывалась участвовать в бракоразводном процессе, пытаясь любой ценой сохранить статус замужней женщины. Она даже призвала на помощь общественное мнение, надеясь на то, что эта мера поможет ей найти управу на сбежавшего мужа. Правда, вопреки её отчаянным усилиям все попытки его вернуть в семью, ни к чему не привели. Влад, как только поселился у моей матери, возвращаться к жене не собирался. Хотя это было и не удивительно. Несмотря на относительную молодость, его экс-супруга выглядела жалкой серой мышкой на фоне моей яркой и породистой матери. Кроме того моя мать была влюблена во Влада, словно мартовская кошка. Она чуть ли не носила его на руках. Привыкший к унылой роли мальчика на побегушках у бывшей жены, тот почувствовал себя возле моей матери фон-бароном, любой каприз которого выполнялся в мгновение ока. Естественно, что после такого отношения к себе, любимому, он и не мыслил о добровольном возвращении в лоно бывшей семьи. Ведь там под одной крышей он должен был уживаться не только с женой, но и с требовательной тётшей, сующей нос во все дела.

В итоге, невзирая на отчаянное нежелание супруги разводиться с ним, он всё-таки получил соответствующий документ, в котором было чёрным по белому написано, что он

теперь свободный мужчина. Правда на следующий же день после этого, моя мать, терпеливо дождавшись, когда её ненаглядный принц обретёт статус холостяка, не откладывая заветную мечту о замужестве в долгий ящик, потащила его в ЗАГС, чтобы подать заявление на регистрацию их брака. И ему ничего не оставалось делать, как покорно пойти туда вместе с ней. А куда ему было деваться? Иного пути не было. Они с моей матерью раздули из своего романа такое светопреставление, что их отношения стали достоянием общественности, которая давно жаждала узнать, чем закончится эта любовная история после развода загулявшего от законной жены супруга.

– Нельзя позволять бесстыжей разлучнице сбивать с толку чужого мужа! – открыто осуждая мою мать, говорили противники развода, – иначе другие одинокие бабы будут так же поступать!

А кое-кто смеялся, говоря:

– Молодец! Увела старушка мужа у молодухи.

А другие возражали:

– Да до такой «старушки» этой молодухе плыть-плыть, да лучше утонуть!

И они были правы. Ведь, несмотря на то, что моя мать была старше соперницы на десять лет, на звание «бабушки» она никак не тянула.

Но нашлись и такие, кто поддержал Влада и мою мать.

– А если это любовь? – вопрошали они.

И в эту версию можно было тоже легко поверить. Мама была по-настоящему красивой женщиной. Она от природы имела такую внешность, что ей не нужно было корректировать её у косметолога. Всё в ней было натуральное – пышная грудь, чёрные длинные ресницы, точёный нос, правильный овал лица и глаза цвета зелёного винограда. Поэтому поступок Влада вполне можно было объяснить тем, что он влюбился в неё.

– Если это любовь, то пусть женятся! – говорили те, кто осуждал этот роман.

Короче, общественность с нетерпением ждала, чем эта история завершится. Ещё бы! Это же было так интересно заглянуть в чужую спальню, чтобы покопаться в нижнем белье ближнего своего!

– Мы любим друг друга! – когда уж очень сильно стали докучать парочке особо любопытствующие, уверяла мама, – и обязательно поженимся, как только получим возможность это сделать.

Естественно, что после такого заявления, вернуть любовникам добрую репутацию мог только, заключённый по всем правилам брак, который подтвердил бы, что не грязная похоть их сбила с прямого пути, а истинное, всепоглощающее чувство. Поэтому вскоре мама во всеуслышание объявила о приближающейся свадьбе.

«Эх! – посетовал Влад накануне неё, – я всего-ничего побыл холостяком. И теперь опять – двадцать пять»!

Но делать было нечего. Повздыхал-повздыхал наш горе-принц да и поплёлся под венец в назначенный день вслед за моей безобразно-счастливой матерью, которую эта история подняла высоко над остальными одинокими сверстницами и дала повод в их глазах выглядеть роковой женщиной, ради которой женатый мужчина смог решиться на развод.

Правда, пребывая на седьмом небе от счастья, она начисто забыла о том, как совсем ещё недавно рыдала, клятвенно обещая, что совесть ей никогда не позволит увести мужа у законной жены.

Но, как известно, в любви и на войне, все средства хороши. Желая любой ценой получить почётный статус законной супруги, мама решительно наступив на горло собственной совести, пришла к выводу: чтобы стать счастливой, ни с кем не нужно считаться, а гнуть свою линию даже в ущерб другим людям. Так поступив, она с успехом добилась того, к чему стремилась. Вот и докажите мне после этого, что на чужом несчастье счастья не построишь. Моя мать полностью опровергла этот, известный всем, постулат. И теперь она стала победительницей.

Правда её избранник, напротив, не создавал впечатление человека, одержавшего блестящую победу на личном фронте. Накануне свадьбы он сильно напился. Поэтому в день бракосочетания его мучил похмельный синдром. Чтобы заглушить жестокий сушняк, он прямо на пороге ЗАГСА с жадностью опорожнил бутылку пива, приобретён-

ную на сэкономленные от покупки свадебного букета деньги, после того как предварительно поторговался с цветочницей. Правда моя мать совсем не замечала унылого настроения жениха. Ведь её саму сильно тошнило от выпитой накануне водки в компании будущего мужа. Она то и дело судорожно сглатывала слюну, стараясь сдержать подкатывающий к горлу ком. В самый торжественный момент, когда сотрудница ЗАГСА открыла рот, чтобы объявить их мужем и женой, моя мать страдальчески закатив глаза и зажав рот ладонью, выбежала на улицу, где её вырвало на глазах прохожих. Опорожнив желудок, невеста вернулась назад, где её поджидали растерявшиеся свидетели. Смущённо вытерев рот носовым платочком, она жалобно поглядела на них, ища сочувствия. На этом, с грехом пополам, брачная церемония завершилась.

18 глава

Понимая, что вечно снимать квартиру нельзя, Сергей решил отсудить у бывшей жены часть жилой площади. Поделив общий лицевой счёт, он прописал меня в одну из комнат в трёхкомнатной квартире, которую они когда-то совместно приобрели. Конечно, жить бок обок там с его первой супругой и дочерью я не собиралась. Это было против моих правил. Мы так же продолжали обитать с Сергеем в съёмной квартире, и для меня всё как было, так и осталось. Поэтому я очень удивилась, когда в один прекрасный день муж торжественно объявил мне, вручив мне мой паспорт с красно-

речивым штампом в нём:

– Поздравляю, душа моя, ты теперь стала москвичкой!

В ответ я только недоумённо пожала плечами.

– А я думал, ты мне скажешь спасибо за то, что я тебя прописал, – разочарованно протянул он.

– Знаешь, Серёжа, – ответила я ему, – для меня никогда не имело никакого значения, какой штамп стоит в моём паспорте, потому что я всегда была уверена в том, что его наличие или отсутствие никогда не сделает меня счастливой или несчастной.

– А ты неблагодарной оказалась, – обиделся Сергей.

– Прости, – извинилась я, – но мне непонятно, за что я должна тебя благодарить?

– Сколько людей мечтают обосноваться в Москве любой ценой! – вскипел он, – а я тебе лишь за твои красивые глаза дал такой редкий шанс, за который любая бросилась бы мне ноги целовать.

– Извини, но мне никогда не было понятно, почему все так носятся с этой самой столичной пропиской, – снова пожала я плечами, – ведь она не гарантирует крепкие семейные отношения.

После моих слов Сергей оторопело уставился на меня.

– Где бы я ни жила, – между тем, сказала я, – обещаю тебе, Серёжа, приложить максимум усилий, чтобы свить добротное семейное гнездо для нас с тобой, независимо от прописки.

– Спасибо, – вдруг поблагодарил он меня и тепло улыбнулся.

– За что? – не поняла я.

– За то, что ты так любишь меня, – смущённо ответил Сергей.

Он и впрямь был мне очень дорог. Часто, наблюдая за тем, как он спит, я не могла налюбоваться на него. Сергей в этот момент был таким трогательным, словно маленький мальчик. Зажав сложенные ладони между согнутыми коленями, он выглядел таким милым. Мне иногда казалось, что он есть то самое главное, что должно быть в моей жизни.

Вскоре я решила поменять работу.

«Для того, чтобы сделать мужа счастливым, мне и самой нужно тоже немного постараться», – подумала я и устроилась в престижную больницу.

Осуществить такой замысел мне уже ничего не мешало. Столичная прописка теперь у меня имелась, и меня без звука приняли в отделение гепатологии на ставку медсестры в процедурный кабинет.

Работа эта была не из лёгких да и в какой-то степени опасная. Я брала кровь из вены у разных больных, в том числе и у тех, кто болел гепатитом. Но это было всё же лучше, чем ставить по двадцать пять клизм каждый день. Да и от дома эта больница располагалась недалеко, всего в двух автобусных остановках. Кроме того на новом месте я стала зарабатывать намного больше, чем на прежнем, потому

что там полагались надбавки за вредность. А это было очень важно. Ведь Сергею предстояло ещё какое-то время платить алименты да ко всему прочему продолжать вносить деньги за съёмное жильё. Поэтому я решила включить строгий режим экономии. Я перестала ездить на общественном транспорте до места новой работы. Топая ранним утром вдоль шоссе, по которому мчались переполненные людьми автобусы, я даже мысленно радовалась тому, что меня среди них в салоне нет. А возвращаясь домой после трудового дня, я снова радовалась.

«Вечерняя прогулка – это гарантия моей стройности», – бодро шагая по тротуару, думала я.

А ещё я взяла подработку по субботам. Так в итоге к концу месяца у меня набиралась определённая сумма, к которой прибавлялось не купленное мороженое и несъеденная, обожаемая мной, сдоба. Это тоже в моём представлении помогало сохранить фигуру и приумножить наши общие с Серёжей финансы.

19 глава.

Не успела я оглянуться, как наступила весна. Сергей всё это время практически не пил и превратился в идеально-го мужа. Видя, каким он стал, я решила всерьёз задуматься о потомстве. Правда, Сергей, в отличие от меня, не проявлял особого энтузиазма на этот счёт.

– Я не хочу плодить нищету! – убеждал он меня, когда я

начинала заводить речь о ребёнке, и добавлял в качестве аргумента, – у меня уже есть дочь, и мне её вполне достаточно.

«Что значит, есть дочь? – мысленно возмущалась я, отказываясь принимать доводы мужа, – Ведь у меня-то никого нет»!

А вскоре инстинкт продолжения рода мне настолько стал сносить крышу, что любые аргументы против него были бессильны, так мне хотелось родить ребёнка.

Таким образом промчалось лето и наступила очередная осень. В конце сентября Сергею удалось окончательно решить жилищный вопрос, разъехаться с бывшей женой и купить однокомнатную квартиру. Это было очень скромное жильё, располагавшееся на первом этаже двенадцатиэтажного дома, с крошечной прихожей и совмещённым санузлом. Одна из стен квартиры была общей с подъездной стеной. Поэтому в гостиной, которая одновременно являлась спальней, постоянно слышался грохот, бьющейся об эту стену, входной двери. Ещё там, под окном с утра до поздней ночи отирались местные алкоголики, отоварившиеся в винном магазине за углом. Они постоянно устраивались на лавочке в тени кустов сирени, растущей у подъезда, чтобы отметить традиционный «день гранёного стакана». Обсуждения, которые велись ими, были всегда слышны в квартире во всех подробностях.

Но, несмотря на это, мне моё новое жильё, казалось роскошным дворцом, в котором я чувствовала себя полновласт-

ной хозяйкой. Ко всему прочему до работы теперь мне было рукой подать – всего десять минут ходьбы от дома. Поэтому я пребывала на седьмом небе от счастья.

«Отныне я смогу свить своё гнездо», – ликовала я, разместив нехитрую утварь, состоящую из одной сковородки и двух кастрюль на маленькой двух конфорочной газовой плите, стоящей возле стены в пустой кухне.

С такого скромного бытового арсенала я решила начать вести собственное хозяйство.

«Самое главное – теперь у меня есть свои стены. Остальное, – не сомневалась я, – мы заработаем и купим».

Ведь сейчас ничего этому не мешало. Но без детей я не представляла полноценного семейного счастья. Поэтому мне хотелось, чтобы наш первенец поскорее родился.

Мечтая стать матерью, я в тайне от мужа перестала предохраняться. И хотя я отлично знала, что Сергей категорически против рождения младенца, я решила его не послушаться.

«Муж просто боится ответственности, вот и говорит, что ребёнок ему не нужен, – решила я, – а когда малыш появится на свет, он непременно полюбит его. Ведь зачем же он тогда на мне женился? Ну не о погоде же рассуждать!»

Так минула пара месяцев. Сергей не сразу спохватился и понял мою женскую хитрость. Но, когда до него дошло, в чём дело, он насторожился.

– Ты ничего не задумала, душа моя, в смысле беременно-

сти? – с опаской спросил он.

– Нет, – глядя на него честными глазами, соврала я.

Правда, зачатие у меня наступило не сразу. Мне нужно было изрядно постараться, чтобы осуществить мой план. Но однажды, под Новый год, мы с Сергеем отправились загород в пансионат, туда, где проводили медовый месяц, чтобы от души повеселиться в этот замечательный праздник. Всю новогоднюю ночь мы не выпускали друг друга из объятий. Это в итоге принесло ожидаемый результат.

В конце января я обнаружила, что у меня появились странные пристрастия в еде и стало подташнивать по утрам. Надеюсь, что я наконец-то забеременела, я отправилась к гинекологу, чтобы убедиться, что моя мечта о долгожданном ребёнке, сбывается.

– Семь недель, – сообщила мне пожилая врачиха, осмотрев меня.

Услышав её вердикт, я заплакала.

– Милочка, вам рожать в самый раз! Вы, что же, аборт задумали сделать? – увидев, что я реву в три ручья, укорила меня она, деловито поправив очки на носу.

– Что Вы, доктор! – подняв на неё счастливые глаза, ответила я, – это слёзы радости. Я так давно мечтаю о ребёнке, что узнав, что он теперь у меня будет, от счастья плачу.

20 глава

Домой я примчалась, словно на крыльях. Отворив мне

дверь, Сергей настороженно спросил, увидев моё сияющее лицо:

– Что это ты сегодня такая довольная, душа моя?

– У меня потрясающая новость! – ответила я, радостно улыбаясь.

Муж непонимающе воззрился на меня.

– Я беременна, Серёжа! – чуть не задохнувшись от счастья, сообщила я, повиснув у него на шее.

После моего сообщения Сергей помрачнел так, что мне показалось, что в комнате стало намного темнее, чем прежде.

– Ну, вот! Ещё восемнадцать лет придётся работать на алименты! – процедил он сердитым голосом и расцепил мои руки у себя на шее.

«Алименты? – мысленно ахнула я, продолжая глупо улыбаться, – какие алименты? Сергей что, не собирается жить со мной и вместе растить нашего ребёнка?»

Подобной реакции с его стороны я не ожидала. Я думала, что после полученного известия о беременности, муж испытает щенячий восторг, оттого что скоро станет отцом. А потом схватит меня на руки и закружит по комнате. То есть поведёт себя точно так же, как в многочисленных мелодрамах, которые я обожала смотреть по телевизору. Поэтому я была обескуражена тем, что он разозлился и вместо того, чтобы обрадоваться, хлопнул дверью и демонстративно ушёл на кухню, показав таким образом, свой протест против бу-

дущего отцовства.

Услышав этот грохот, я вздрогнула. Счастливая улыбка медленно сползла с моего лица. Тяжело опустившись на сетку старой кровати, жалобно взвизгнувшей подо мной, которую с барского плеча отдала нам свекровь, я почувствовала себя такой одинокой, словно кроме меня больше нет никого на свете. А потом я зарыдала, уронив лицо в ладони. Но Сергей и ухом не повёл. Он закрылся на кухне и на полную мощность включил там телевизор, чтобы не слышать мой плач.

Правда, спустя какое-то время, немного успокоившись, я подумала: «Нет! Серёжа просто не готов переварить сразу эту новость. Для этого ему нужно немного времени. Рано или поздно он образумится и порадуетя тому, что скоро станет отцом».

Но муж и не подумал образумиться. Вместо этого он объявил мне жестокий бойкот. А затем снова запил, да так, словно пытался наверстать упущенное, за то время, пока воздерживался от спиртного. Всем своим видом он стал показывать мне, что ему на меня глубоко наплевать и на мою беременность тоже. А меня постоянно тошнило, я неважно себя чувствовала и зачастую нуждалась в простой заботе.

– Не притворяйся, симулянтка! – презрительно говорил Сергей, глядя, как я бледная, словно мел, лежу в кровати, – Как бы ты ни старалась, всё равно не добьёшься от меня жалости!

Сжав кулаки так, что костяшки на них становились белы-

ми, он злобно цедил сквозь зубы:

– Запомни: мне не нужен твой спиногрыз, и ты с ним в придачу тоже! Даже не пытайся вызвать во мне отцовские чувства дешёвым спектаклем, который ты передо мной всё время разыгрываешь!

– Я ничего не разыгрываю, – еле слышно отвечала я, – просто мне очень плохо сейчас.

– Плохо ей! – передразнивал меня Сергей, а потом приказывал, – хватит валяться без дела! Я жрать хочу! Иди и приготовь чего-нибудь. Да уберись в квартире. А то захлामीла её, жить невозможно!

– У меня нет сил, – в ответ шептала я, – разогрей обед сам, а мне чайку принеси. Сладенького.

– Сейчас! Разбежался! – огрызался Сергей, а потом презрительно бросал, – я тебе не прислуга.

– Серёжа! Опомнись! – еле ворочая языком, пыталась образумить я мужа, – я же твоя жена!

– Да пошла ты в баню! Жена! – отвесив мне звонкую оплеуху, посылал потом меня к известной всем матери Сергей.

Затем, хлопнув дверью, он уходил к собутыльникам. Опасаясь, лишний раз нарваться на очередную грубость, я вскоре перестала просить мужа о чём-либо, поняв, что мне в нём опору и поддержку никогда не найти. В конце концов, почти задохнувшись от непомерного груза проблем, я позвонила свекрови, надеясь, что она повлияет на сына, и воззовет к его совести. Но та в ответ на мои жалобы заявила:

– Заварила кашу, вот теперь сама и расхлёбывай! А Сергея не трогай. Он уже стал один раз отцом. Поэтому твоя беременность – только твоя забота.

– Но ведь это будет и его сын тоже! – потрясённо воскликнула я.

– И что? – удивилась она, – он тебе говорил, что больше иметь детей не хочет. Ты не послушалась. Вот и получай, что хотела.

– Но мой ребёнок Вам тоже не чужой, – пробормотала я, – он будет Вашим внуком.

– Я уже вырастила сына! – осекла меня свекровь, – не вздумай мне подкинуть своего младенца!

Ей в унисон вторила моя мать. Узнав о моей беременности, она пришла в ужас.

– Ты соображаешь, что делаешь?! Владик может бросить меня из-за того, что ты вздумала рожать! – возмутилась она.

– С какой такой стати? – удивилась я.

– Узнав, что ты беременна, он сказал, что не захочет спать с «бабушкой», – отрезала она.

Слушая их, я не верила в реальность происходящего.

«Господи! – потрясённо думала я, – что же это такое творится? Мало того, что мне родного мужа пришлось подловить хитростью, чтобы забеременеть, а тут ещё и мама со свекровью хором отказались от моего ещё не родившегося сына».

– Да успокойтесь, вы ради Бога! – наконец, трезво оценив

ситуацию, успокоила я не в меру разнервничавшихся родственниц, – я никого никому не собираюсь подкидывать! Я рожаю ребёнка исключительно для себя! И это право я ни с кем не хочу делить!

А сама подумала: «Меня никто не любит. Я никому не нужна».

Но, ощутив очередной приступ тошноты, я поняла, что в корне неправа.

«Нет! Это не так! Во мне растёт новый человечек, и я ему необходима», – утешила я себя.

Отныне, когда мне становилось одиноко, я начинала шёпотом разговаривать с моим будущим сыном, нежно глядя себя по округлившемуся животу ладонью, или тихо напевать ему песенки. А потом я пыталась представить, каким он будет, когда родится. Моё воображение рисовало милого румяного ангелочка с вьющимися золотистыми волосами и яркими глазами, обрамлёнными длинными чёрными, как у меня, ресницами.

Всю свою любовь, на которую была способна, я хотела отдать в этот миг только ему. Ведь я не могла жить иначе. Я не могла не любить и не отдавать эту любовь другим.

21 глава

Так прошло полгода. Наступила осень. Протанцевав прощальный стриптиз на холодном ветру, она, скинув пёстрый наряд из яркой листвы, обронила его на землю. А потом,

стыдливо согнув обнажённые ветки деревьев, застенчиво попыталась прикрыть ими наготу.

Однажды, ночью я проснулась от резкой боли.

«По-моему, это – схватки», – подумала я.

Широко распахнув глаза, я немного полежала в темноте, решив убедиться в том, что это не ложный сигнал. Ведь я не хотела будить Сергея напрасно, помня, что утром ему нужно будет идти на работу. Но когда острые кинжалы боли ткнули меня в живот еще раз, я толкнула мужа в бок.

– Серёжа, вызывай Скорую, по-моему, началось, – испуганно сказала я.

Он мигом выскочил из-под одеяла и с закрытыми глазами бросился к телефону. А пока он объяснял дежурному диспетчеру причину вызова, схватки у меня усилились.

Конечно же, я была в курсе, что роды – это очень больно. Но я даже не могла себе вообразить, насколько. Мечась в кровати, я не знала, как мне лечь, чтобы немного ослабить эту боль.

– Серёжа! – позвала я мужа, обнаружив, что его нет рядом, – ты где?

Услышав мой зов, он выскочил из кухни.

– Я здесь! – успокоил он меня, – Варю для тебя кофе.

– Кофе? – удивилась я, – Зачем?!

– А вдруг ты заснёшь и проспичь роды? – совершенно серьёзным голосом ответил Сергей.

– Что? – поразилась я, не зная, плакать мне или смеяться

после такого заявления.

В этот момент в дверь позвонили. Скорая оказалась по-настоящему скорой: ровно через пять минут, после того, как муж вызвал её, она уже стояла возле нашего подъезда. При-седая, и охая от боли, я вышла на улицу, опираясь на руку Сергея. Устроив меня в салоне неотложки, он вызвался поехать со мной. Ему было благосклонно разрешено это сделать.

Когда карета Скорой помощи наконец доехала до места, сама идти я могла уже с большим трудом. Осторожно под-держивая под локоть, Сергей проводил меня до входа в род-дом. Он сунулся было пройти вместе со мной в Приёмный покой, но его туда не впустили, вежливо попросив удалиться, и ему пришлось повиноваться. Но перед тем, как уйти, Сергей взял меня за плечи и сказал:

– Дай, я на тебя посмотрю, душа моя.

А потом торопливо сбежал вниз по ступенькам, ведущим в Приёмный покой.

«И чего там было смотреть»? – не поняла я, глядя как его силуэт растворяется в ночи.

Между тем меня начали готовить для отправки в отделение. После определённых процедур и оформления документов меня отвели в огромную палату. Всё это время, пока мне не предоставили место, я молча изнемогала от страшной боли, ютясь на хлипком стульчике в углу плохо освещённого помещения. Рухнув на кровать, я эту жуткую боль уже тер-

петь не могла и так закричала во всю глотку, что перепугала бездомных собак на улице, которые откликнулись на мой душераздирающий вопль дружным лаем.

Так я и орала несколько часов подряд. В итоге я своими воплями настолько извела дежурный персонал, что одна из медсестёр, подойдя ко мне, злобно пригрозила:

– Если ты сейчас же не заткнёшься, я сама тебя заткну.

Но я ничего не могла с собой поделать. Боль была такой чудовищной, что я не могла сдержать свой крик. Каждый раз перед новой схваткой, я мысленно давала себе обещание, что не буду так орать. Но боль была такой страшной, что мне казалось, если я не закричу, то тут же умру от неё.

Так я промучилась до утра. А утром ночная бригада сдала смену и меня в придачу, обессиленную от невыносимой боли, и доведённую собственным криком до последней стадии изнеможения.

После пересменки ко мне подошла приятная, молодая акушерка.

– Чего кричим? – приветливо спросила она.

Я умоляюще посмотрела на неё и виноватым голосом ответила:

– Доктор, мне правда, очень больно. Если бы это было не так, я бы не кричала, честное слово!

Она улыбнулась и мягко сказала:

– Так! Давай-ка посмотрим, что там у тебя.

После осмотра, она изменилась в лице.

– Быстро в родовую! – крикнула она, – тут воды уже отошли! Головка младенца показалась!

После её приказа меня мгновенно переложили на каталку и стремительно помчали по коридору. А я с перепугу даже вопить перестала.

Находясь в родовой палате, я послушно стала выполнять всё, что мне говорили делать. Я дышала как надо и лежала как положено. К моему изумлению после этих мер нещадная боль вдруг куда-то ушла. Я мигом заткнулась, следуя советам медиков, и теперь старалась изо всех сил, чтобы мой малыш без проблем появился на свет Божий. А как только он выскользнул из меня, я тут же почувствовала, какая тишина разлилась в моём измученном теле. Оно показалось мне вдруг невесомым. Мне почудилось, что я парю над землёй. Все предметы вокруг меня, словно потеряли чёткое очертание и засветились волшебным светом. Я ощутила такое блаженство, с которым ничто в мире не могло сравниться.

– Эй! Мамаша! Смотри сюда! Говори, кто у тебя родился, мальчик или девочка, – сквозь необыкновенное ощущение парения, долетел откуда-то издалека до меня резкий женский голос.

После этого окрика моё зрение сразу же прояснилось. Я стала глазами искать акушерку, которая окликнула меня. Сфокусировав взгляд, я увидела, что она стоит прямо передо мной и держит на вытянутых руках моего ребёнка. Ещё я увидела, что это мальчик.

«Он! Это он! Именно таким я его и представляла!»! – восторженно подумала я, впервые наяву увидев своего сына как две капли воды похожего на маленького ангела.

А вслух, вымученно улыбнувшись, ответила:

– Мальчик! Коля...

А потом я напрягла слух в надежде услышать первый крик сына. Но ничего не услышала. Мой малыш почему-то молчал. Его личико нахмурилось, словно в тяжёлом раздумье.

– Почему он молчит? – обеспокоенно спросила я акушерку.

Вместо ответа она звонко шлёпнула сына по упругой попке. После чего, он баском закричал, сделав первый вдох в своей жизни.

22 глава.

Через пять дней меня выписали домой. А дома меня ждал сюрприз. Сергей в честь рождения наследника устроил торжественный ужин. А перед тем, как мы приступили к нему, подарил необыкновенной красоты серебряное кольцо со вставкой в виде капли в стиле фаворитки султана Османской империи. Только вместо изумруда в него был вставлен сапфир. Но носить его я пока не имела возможности. Я не могла готовить и стирать с этим изумительным кольцом на руке. Поэтому я положила его в шкатулку и убрала на полочку в шкаф до лучших времён.

С этого момента вся моя жизнь подчинилась уходу за ма-

леньким ребёнком. Сутки разделились на части по времени, которое соответствовало грудному вскармливанию. В паузах я с раннего утра и до поздней ночи занималась повседневными бытовыми делами, которые имели особенность никогда не заканчиваться. Когда мне выпадали небольшие периоды отдыха, я проводила своё время на кухне. Благо, она была просторная, целых десять метров. Если не считать газовой плиты да раковины с мойкой в углу у входа, она вполне могла сойти за небольшую комнату. Здесь даже было вполне уютно: возле стены стоял односпальный диван, рядом с ним – тумбочка, на которой как на почётном пьедестале стоял маленький телевизор. А на обеденном столе в изголовье дивана ярким пятном алел симпатичный ночник с красивым красным абажуром, украшенным золотистой бахромой.

Пока Коля спал в большой комнате, оборудованной одновременно под детскую и спальню, я пыталась выкроить минутку для чтения, устроившись на уютном диванчике. Ведь теперь, когда мне ежедневно приходилось тратить почти всё своё время на физический труд, я стала особенно остро ощущать, что мне очень не хватает духовной пищи. Завязнув по маковку в домашнем быту, я постоянно ощущала непомерный интеллектуальный голод, который пыталась урывками утолить, хотя бы таким образом. Ведь он, порой, мучил меня не меньше, а может, даже и больше, чем обыкновенный.

Сергей тоже облюбовал нашу кухню под отдых. Приходя

вечером с работы домой, он здесь ужинал и смотрел телевизор. А потом укладывался спать на диван. Ведь ему очень быстро надоели ночные пробуждения для кормления сына по часам, и он решил покинуть супружеское ложе, переселившись на кухню.

«Что ж, это отличный выход из положения, – не стала я возражать, зная, что иным способом проблему сна мужа решить нельзя, – ведь Серёже нужно хорошенько выспаться перед работой».

Но Сергей оказался весьма недоволен подобной дислокацией.

– Ты сослала меня на кухню, – встав в позу жертвы, стал упрекать меня он, – какая же ты чёрствая!

– Я тебя никуда не ссылала! – в ответ удивлялась я, – Ты сам по своей воле решил ночевать там!

– Я не хочу спать на кухне, как бедный родственник, на диване-маломерке! – сердился Сергей.

– Ну, так давай поменяемся местами! – однажды в шутку предложила я.

– Я согласен, – тут же воодушевился Сергей, – а ты вместе с сыном переселишься на кухню.

Поняв, что муж хочет и рыбку съесть, и в лодку сесть, я возразила:

– Но кухня слишком мала. Кроватка Коли тут не поместится. Так что он останется в комнате. А ты тогда будешь по ночам возиться с ним, когда он будет просыпаться.

Такое предложение Сергею не пришлось по вкусу, он мигом притих, жаловаться перестал и решил переселения не осуществлять. Я же продолжала обитать в комнате вместе с сыном. Очень скоро я поняла, что мне нравится спать одной. Я обнаружила, что могу теперь удобно раскинуться во сне, и что никто больше оглушительно не храпит, лёжа рядом, мне в ухо. Когда ночью я несколько раз просыпалась, чтобы покормить сына и переодеть его, то потом я снова спокойно могла спать дальше. Ведь теперь под боком больше не ворчал, вечно всем недовольный муж. Что касается сына, то я на него нарадоваться не могла. Он рос таким милым! Когда мы гуляли в парке, прохожие то и дело останавливались подле коляски и восклицали, заглянув в неё:

– Какая прелесть!

А я, раздувшись от гордости, широко улыбаясь, важно шествовала мимо.

23 глава

Я крутилась, словно белка в колесе. Мне порой суток не хватало для того, чтобы успеть переделать все дела. Ведь кроме Коли у меня ещё имелся муж, которого надо было обслуживать и обласкивать. Иногда мне приходилось разрываться буквально на части, чтобы ухаживать за сыном и в то же время угождать Сергею.

– Тебе на меня наплевать, – обижался он, – теперь кроме Коли тебя ничего не интересует. Ты только им и занимаешь-

ся.

– Но он же совсем маленький! И сам пока о себе позаботиться не может! – удивлённо отвечала я, – я не могу тебе в угоду оставить его без своего внимания.

Не желая огорчать мужа, я постаралась утратить своё усердие на ниве супружеских обязанностей, пытаюсь купировать его постоянное недовольство. Но Сергей всё равно оставался недоволен. В итоге он стал допоздна задерживаться на работе. Домой муж теперь возвращался около полуночи страшно злой. Видя, что к нему нет надлежащего внимания, он обкладывал меня с порога трёхэтажным матом, а потом начал придирается ко мне в поисках каких-то, только ему известных, грехов.

Ведь своими материнскими заботами я его безумно раздражала. А наш сын у него вообще никаких эмоций не вызывал. Правда мне было некогда обижаться на мужа. А он изо дня в день становился всё более и более неуправляемым. Вот так, однажды, Сергей заявил, вернувшись с работы подшофе:

– Больше давать тебе денег не буду.

– Почему? – не поняла я.

– Потому! – гаркнул он, – хватит тебе сидеть на моей шее! Я не обязан тебя за просто так кормить. Живи на пособие по уходу за ребёнком или иди работай!

– С ума сошёл?! – ахнула я и попыталась образумить его, – да ведь это – твоя святая обязанность материально обеспе-

чивать семью. Особенно, пока я в декретном отпуске.

– Ну ты совсем обнаглела! – взорвался он, – Хорошо же ты устроилась! Пока я пашу как папа Карло, ты нашла себе причину для оправдания, чтобы и дальше бездельничать!

Правда в день зарплаты он всё-таки отстегнул с барского плеча мне всю сумму, которую получил. Но прежде чем отдать деньги, Сергей решил меня подразнить. Он вытащил из кошелька пачку купюр и сев на диван, стал пересчитывать разноцветные бумажки, перелистывая их туда и обратно, изредка косясь в мою сторону.

Стоя возле него, я непонимающе наблюдала за ним.

– Серёжа! Ты скоро наиграешься в богатенького Буратино? – уже не надеясь увидеть конец этого дурацкого спектакля, в слух возмутилась я, – заканчивай придуриваться и давай сюда деньги!

– Зачем они тебе? – сделав нарочито удивлённое лицо, спросил Сергей.

– В магазин сходить, продукты купить! – нетерпеливо воскликнула я.

– Вот и сходи! – расплылся в злорадной улыбке Сергей, – что тебе мешает?

– Но у меня в кошельке одна мелочь осталась! – растерялась я, – На неё ничего не купишь!

– Значит, экономнее надо было быть, – нравоучительно заметил Сергей, а потом взбесился, – я тебе не печатный станок, чтобы удовлетворять все твои запросы!

– Да какие запросы? – обомлела я, – я же не для себя прошу! Тебе же хотела вкусный ужин приготовить!

На мой аргумент у Сергея не нашлось достойного ответа. Но пачку денег он продолжил держать в руке. Судя по выражению его лица, он натужно пытался придумать, что мне сказать ещё такого, чтобы меня подразнить. А я, окончательно потеряв остатки терпения, выкрикнула:

– Нам, что? Голодать теперь, что ли по твоей милости?

Услышав мои слова, Сергей ехидно хмыкнул.

– Вот и поголодаешь, – съязвил он, – А то вон какой зад отъела, на бешеной козе не объедешь!

– Быстро раскошеливайся, добытчик паршивый! – уперев руки в бока, потребовала я, пропустив мимо ушей попытку мужа оскорбить меня.

Сергей, словно ждал этого. Он вскочил со своего места и отвесил мне нехилую оплеуху в наказание за острый язык. Покачнувшись, я попятилась. Сила инерции толкнула меня к стене, и я больно ударилась об неё спиной.

– Денег хочешь? – тем временем, заорал Сергей, показав мне кукиш, – Шиш – тебе! Не твои они! Прежде, чем хавать, нужно заслужить это хорошим поведением! А ты меня совсем забросила!

Я только потрясённо покачала головой, чувствуя как немилосердно стала ныть, ушибленная спина.

– Да подавись ты своими деньгами! – обозлилась я, – Сиди голодный, если хочешь!

Видя, что я вся пылаю от гнева, Сергей решил подбавить масла в огонь:

– Ну, заплачь ещё, плакса-вакса!

Он ослабился в такой звериной ухмылке, что мне стало не по себе. И тут я поняла, что Сергею мои слёзы доставляют ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Знаешь, – решив не кормить мужа отрицательными эмоциями, тихо сказала я, – придёт, однажды такой день, когда и ты будешь просить у меня денег! Ведь всё всегда возвращается обратно! Закон бумеранга никто не отменял.

– Я? – презрительно хмыкнул он, – у тебя? Ой! Да закрой свою хлеборезку и не смей мои ботинки!

Вслед за этим он небрежным, почти царским жестом бросил деньги на стол, и они разноцветным веером рассыпались по его поверхности. Я поспешно сгребла их в кошелёк и побежала в магазин. В данный момент мне было не до гордости.

А по дороге я поклялась себе: «Отныне я перед Сергеем не пророню ни одной слезы».

Вернувшись через полчаса домой с полной сумкой продуктов, я приготовила ужин, но есть его муж не стал. Пока я хлопотала у плиты, он изрядно принял на грудь и, сидя на диване, завалившись на бок, заснул.

24 глава.

Однажды в пятницу, ближе к ужину, Сергей позвонил с работы на городской номер нашей квартиры и сказал:

– Ася, с сегодняшнего дня на моём предприятии с целью контроля над работниками ночной смены введены административные дежурства, поэтому я приду домой только завтра утром.

– Ой! А у тебя получится, хоть немного поспать? – забеспокоилась я, – или ночь будет бессонной?

– Не волнуйся, душа моя, – непривычно ласково сказал он, – устроюсь на ночлег на стульях в кабинете. Мне много не нужно.

– Ну спокойного тебе дежурства тогда! – пожелала я и положила трубку на рычаг.

Повода усомниться в честности мужа у меня не было.

Правда, завершив разговор, я тут же спохватилась: «Эх! Надо было сказать Серёже, чтобы утром по дороге домой он купил хлеба. А то мне так неохота ни свет, ни заря тащиться в булочную только за одним батоном»!

Поэтому я решила мужу перезвонить. Мне необходимо было, хотя бы таким образом, выкроить для себя у жизни немного отдыха, попросив Сергея о необременительной помощи. Не теряя даром времени, я набрала его рабочий номер телефона. Но на мой звонок никто не ответил.

«Где он? – удивилась я, – Сергей, что? Сделав сальто, выпрыгнул из кабинета, после того, как мы с ним полминуты назад поговорили»?

Но я решила не отступать и позвонила ему на мобильник. Но тот оказался вне зоны доступа.

«Опять забыл телефон зарядить», – досадливо подумала я.

Но сдаваться я не собиралась. Через полчаса я снова набрала номер кабинета Сергея. Только мне снова никто не ответил. Я стала настойчиво названивать мужу между стиркой, глажкой пелёнок и готовкой на протяжении всего вечера. Но мои усилия оказались тщетными. Поняв это, ближе к полуночи, я прекратила терзать телефон. Мне стало ясно, что на работе Сергея нет.

Утром я, как всегда, проснулась рано, покормила сына, и ещё раз позвонила мужу на работу, всё ещё надеясь его застать. Мне так не хотелось тащиться в булочную. Но на том конце провода, словно все вымерли: телефонные гудки улетали, будто бы в никуда. И я сдалась. Сходив за хлебом, я приготовила завтрак и стала поджидать мужа, продолжая задавать себе один и тот же вопрос: «Где Сергей провёл ночь»?

А когда он появился на пороге, я поинтересовалась:

– Серёжа, где ты был?

– Я же сказал тебе, что дежурил! – услышав мой вопрос, тотчас стал закипать Сергей.

– Прости меня, конечно, – миролюбиво сказала я, – Просто я хотела попросить тебя купить утром хлеба по дороге домой и звонила вчера тебе целый вечер, но ты почему-то трубку не брал...

– Ты, что? Меня выслеживаешь?! – взорвался Сергей и стал с угрожающим видом надвигаться на меня, свирепо

сверкая холодными синими глазами.

– Да нет! Что ты! – протестующее замахала я руками, на всякий случай попятившись к стене, – успокойся, сына разбудишь! Случайно так вышло! Просто я не успела вчера сказать тебе про хлеб, а ты уже положил трубку. Я тут же перезвонила, но тебя уже не было в кабинете.

– Я сразу же ушёл оттуда, поговорив с тобой, – силясь продавить душащий его гнев, сказал Сергей.

– Так быстро? – удивилась я, – Ты, что? Сальто-мортале сделал? Ведь я сразу же перезвонила!

– Послушай, Ася, я так устал, – заиграв желваками, процедил он сквозь зубы, – Я всю ночь на жёстких стульях спал. Оставь меня, пожалуйста, в покое со своими глупыми подозрениями!

Но я не смогла сразу от него отстать. Мне нужно было докопаться до истины.

– А утром, я снова тебе звонила, – не унималась я, рискуя получить за свою дотошность от Сергея по шее, – но тебя тоже не было в кабинете. А ты говоришь, что спал на стульях...

– Да, что ты пристала ко мне, дура! – завопил он, – не подходил к телефону, значит, уже ушёл! Не понятно, что ли? И отвали от меня со своими идиотскими вопросами! Ты мне надоела!

После этого я испуганно замолчала. Правда, больше никаких дежурств у Сергея после той пятницы почему-то не случилось. А когда я стала стирать рубашку, в которой он был

якобы на дежурстве, то учуяла от неё запах дорогих духов. А на воротнике увидела след от красной помады.

25 глава.

Мне очень нравилось быть мамой. Несмотря на хронический недосып, заботы о сыне мне были в радость. Между бесконечными хозяйственными хлопотами, я старалась выкроить немного времени и обязательно поиграть с ним. Усевшись на софе возле его кровати, я, напевая какую-нибудь мелодию, принималась ритмично стучать разноцветными пластмассовыми погремушками ей в такт. Коля, внимая мне, радостно смеялся, а затем начинал весело дрыгать крохотными ножками под мою незамысловатую музыкальную импровизацию. А вечером перед сном я всегда пела ему колыбельные песенки. Сын во время их исполнения восторженно смотрел на меня круглыми карими глазёнками и внимательно слушал моё тихое пение. Потом его глазки начинали слипаться и он вскоре, сладко посапывая, умиротворённо засыпал. В конце концов, эти вечерние концерты стали своеобразной традицией. Коля без них уже не мог обойтись.

Как-то раз, обессилено прислонившись к перильцам кровати лбом, я едва не отключилась от усталости. Поймав мой сонный взгляд, Коля вопросительно поглядел на меня.

«Почему он так странно смотрит»? – борясь со сном, озадаченно подумала я.

– А-а-а! – вдруг, закачавшись из стороны в сторону,

неожиданно затянул нежным голоском он, давая таким образом понять, что пора уже петь.

«Вот это да!» – поразилась я способу, ещё не умеющего говорить сына, вразумительно объяснить то, что он от меня хочет.

Усталость с меня, словно ветром сдуло и я запела традиционную колыбельную песенку.

«Как жаль, что сын ещё слишком мал и не умеет говорить, – вздохнула я, когда он уснул, – ведь мне так не хватает общения!»

И это было правдой. Муж окончательно отдалился от меня. Домой он приходил только переночевать, и если с ним не случался очередной пьяный припадок, сразу же заваливался спать. В выходные и праздники, ссылаясь на аврал на работе, он с утра уезжал на служебной машине в неизвестном направлении. А когда возвращался, даже в те короткие часы, когда он был дома, вёл себя отвратительно. На мои невинные вопросы, отвечал грубо. А однажды вообще заявил, когда я попросила его вынести мусор:

– Я не обязан этого делать!

– Ты же всё равно куда-то собрался идти, – возразила я, – вот и выбрось пакет с мусором по дороге в контейнер.

– Ещё чего! – взбеленился Сергей, а потом злобно добавил, – я деньги зарабатываю, а ты – нахлебница. Вот и отработывай свой хлеб. Толку от тебя и выгоды всё равно нет никакой. Вот и убирай за мной без возражений.

Затем, хлопнув дверью, Сергей ушёл, а я снова осталась одна. На подкашивающихся от усталости ногах, я направилась на кухню, чтобы заняться приготовлением обеда на завтра.

«Мне так нужна отдушина, чтобы окончательно не спятить от одиночества, пока быт окончательно не раздавил меня своим непосильным грузом!» – в отчаянии подумала я, ставя на плиту кастрюлю с водой.

Достав из холодильника овощи, я принялась их мыть.

«Все мои друзья остались далеко в юности, – почистив картофель и морковку, продолжила размышлять я, – маме не до меня. Она вся в любви. А с мужем я практически не общаюсь, потому что его почти не бывает дома».

Я снова тяжело вздохнула.

«Между нами нет ничего общего, – молча покачала я головой, понимая, что всё, что я когда-то испытывала к Сергею, безвозвратно прошло, – нам не о чем даже поговорить, насколько мы разные».

Я нашинковала лук.

«У нас настолько полярное отношение к жизни, что пропасть между нами выросла такая огромная, что противоположного её края уже не видно, – вздохнула я, – он по натуре – прагматик, а я – романтик. Мы как огонь и лёд несовместимы».

Я достала банку с солью из шкафчика и принялась пасировать морковку с луком на сковородке, предварительно

смазав её маслом.

«Если мне в ближайшее время не удастся найти близкого по духу человека, я в итоге просто сойду с ума», – размышляла я, помешивая овощи на сковородке.

В этот момент я ощутила себя потерявшимся котёнком, готовым в отчаянии кинуться в ноги к первому встреченному прохожему с воплями о помощи, в надежде на то, что тот приютит меня у себя. Я поймала себя на мысли, что мне всё равно, кем он будет. Лишь бы он был.

26 глава.

Как-то раз, когда я одиноко гуляла во дворе нашего дома, толкая впереди себя коляску со сладко спящим в ней сыном, меня окликнула незнакомая пожилая дама.

– Девушка, возьмите, пожалуйста, в компанию мою сноху, – попросила она, повернувшись к молодой женщине, стоящей неподалёку с такой же, как у меня детской коляской, а потом пояснила, – ей скучно одной, а к вам она подойти стесняется.

– Конечно! – доброжелательно ответила я, – я рада буду познакомиться.

Не знаю, почему, но с первого взгляда незнакомка сразу же мне понравилась. Внешне она отдалённо напомнила мне мою мать. Только в отличие от неё она была голубоглазой блондинкой. Внутри меня что-то ёкнуло, когда наши глаза встретились, будто я почувствовала в ней родственную ду-

шу.

– Ася, – представилась я, приветливо улыбнувшись.

– Римма, – явно преодолевая сильное смущение, ответила незнакомка, попытавшись улыбнуться в ответ.

Меня совсем не удивило, что мы очень быстро нашли с ней общий язык. Отныне я ни одного дня не могла прожить без Риммы. Быстро переделав все домашние дела, я укладывала сына в коляску и мчалась на прогулку, предвкушая радость от предстоящего общения с новой подругой.

У Риммы в отличие от меня была дочка. Правда, когда я заглянула в коляску, чтобы посмотреть на неё, то невольно отпрянула, увидев маленькое некрасивое сморщенное личико, обрамлённое кружавчиками детского чепчика.

«Как у такой красавицы с внешностью славянской княгини, могла родиться такая страшенькая девочка?» – мысленно поразилась я, стараясь не подать вида, насколько удивил меня ребёнок подруги.

Но позже я поняла, в чём дело, увидев её мужа. Он был похож на персонажа из русских народных сказок – этакий Иванушка-дурачок. Ростом супруг Риммы был заметно ниже неё, оттого держался навтыжку, желая казаться выше, чем есть на самом деле. Римма же, стоя рядом с ним, слегка сутулилась. Возле роскошной супруги он выглядел тщедушным мальчиком-двоечником, оставленным на второй год за неуспеваемость.

Я украдкой улыбнулась, глядя на него и на то, как он ска-

чет вокруг Риммы, пытаюсь ей угодить.

«Да он, – подумала я, – совсем ей не пара. И, судя по всему, он это хорошо знает, поэтому готов исполнять пожизненно роль лакея подле неё, лишь бы Римма ему пинка не дала под зад».

Правда мне неудобно было спрашивать подругу, что она в нём нашла, и почему вышла за него замуж. С моей точки зрения это было бы бестактно.

«Сама расскажет, если захочет», – решила я.

Однажды, я не выдержала и на очередной прогулке пожаловалась Римме на Сергея. Она внимательно выслушала меня, а потом задумчиво сказала:

– Ты извини меня, Ася, но мне кажется, что твой муж от тебя гуляет.

– Возможно, – согласилась я, – мне и самой неоднократно приходила такая мысль в голову.

– Почему? – поинтересовалась Римма, – у тебя есть доказательства его измен?

– Есть, – кивнула я головой, – однажды от него пахло дорогими духами, а на ворота рубашки красовался бордовый след от помады, которую я еле-еле смогла отстирать.

– Может, это были твои духи, – предположила Римма, – и твоя помада?

– Нет! – покачала я головой, – я духами не пользуюсь. У меня нет на них денег. И помадой тоже. Я не крашу губы. Они и так у меня яркие.

Критически оглядев меня с ног до головы, Римма возмущённо воскликнула:

– Ну, не знаю! Если уж от тебя гулять, то каким же тогда женщинам верность хранить?! Кому же тогда не изменяют, если обманывают такую красавицу, как ты?!

Я только пожала плечами. Этого я и сама не знала. Я действительно не понимала, почему Сергей ни во что меня не ставит. Почему он стал периодически не ночевать дома и под утро появляться в парах перегара и ещё какого-то сладкого запаха. А чтобы оправдать своё отсутствие ночью, он сходу вставал позицию нападения и начинал матюгаться, расшвыривая во все стороны то, что попадалось ему под руку.

«Господи! Что я в нём нашла когда-то»? – не переставала удивляться я, глядя на Сергея.

В конце концов, меня стало просто воротить от него.

«Он мне не нужен! Я не хочу иметь с ним ничего общего! – однажды поняла я, – и вообще! Я хочу видеть рядом с собой другого мужчину».

Придя к такому выводу, я решила не сидеть, сложа руки, и серьёзно взяться за себя. Я принялась регулярно заниматься гимнастикой, чтобы привести фигуру в ту форму, которая у меня была до родов. Расположившись на ковре, пока сын спал после обеда, я стала ежедневно делать всевозможные упражнения.

Вскоре мои старания увенчались успехом. Небольшой жи-

вотик пропал. А талия стала такой, что любая мировая кинозвезда могла, покурив в сторонке, уйти на заслуженный отдых.

«Теперь-то я не ударю в грязь лицом, если что!» – удовлетворённо думала я, глядя на себя в зеркало.

Оставалось только найти того человека, ради которого я так старалась.

27 глава

Как-то утром, с наслаждением вкушая на кухне свой любимый свежесваренный кофе, я вдруг размечталась. Я представила, что снова обрету право на счастье, встретив достойного мужчину.

«Мы будем сильно любить друг друга всю оставшуюся жизнь и умрём в один день», – глядя в окно, думала я, улыбаясь.

Я и не заметила как на кухню вошёл муж, до этого брившийся в ванной.

– Ты чего такая довольная? – спросил он, подозрительно посмотрев на меня.

– Просто настроение хорошее, – уклончиво ответила я, не желая посвящать Сергея в свои планы.

– С чего бы это? – удивился он.

– Жизнь прекрасна, – снова улыбнулась я, – не смотря ни на что.

– Что в ней хорошего-то, в жизни этой? – презрительно

фыркнул муж.

Мне стало очень жаль вечно мрачно настроенного супруга.

– Жизнь – замечательная штука, и это должен понимать любой нормальный человек, – возразила я, поглядев на его отёкшее от постоянных попоек лицо, – поэтому надо в любой ситуации уметь ловить кайф оттого, что тебе повезло родиться здесь, на Земле, и в меру возможностей делать жизнь прекрасной.

– Тьфу ты! Нашла от чего получать кайф! – снова фыркнул Сергей.

– Знаешь, – посерьёзна я, – если жизнь кажется плохой, то пенять ты должен только на себя.

– Не понял? – напрягся муж, недоверчиво прищурившись.

– А тут и понимать нечего, – пустилась я в объяснения, – например, в нашем с тобой случае всё благополучие упирается в твоё пагубное пристрастие к алкоголю. Оно отравляет нам жизнь и разрушает полноценные отношения, которые, возможно, сложилась бы самым замечательным образом, если бы ты не пил. Ведь в трезвом виде ты – абсолютно нормальный человек. Но стоит тебе принять на грудь, как ты становишься просто невыносимым.

– Ну, знаешь! – вспылил Сергей, – я так устаю на работе, что не могу расслабиться, пока не выпью.

– Вот это и плохо, – огорчённо вздохнула я.

– Скажи спасибо, что я по бабам не шляюсь! – рассердил-

ся муж.

– Да, если и шляешься! – отмахнулась я от него, пропустив его враньё мимо ушей, – суть проблемы не меняется. У меня всё равно есть соперница, причём самая опасная!

– Кто это? – испугался Сергей.

– Бутылка! – воскликнула я, а потом пояснила, – она и есть самая коварная соперница!

– Ну ты и загнула! – поразился муж, – как бутылка может быть соперницей?

– Может! Да ещё какой! – хмыкнула я, – Она даже хуже любой реальной конкурентки, потому что её нельзя победить.

– Почему? – оторопел Сергей.

– В отличие от самой обольстительной женщины, которую всегда можно элементарно вычислить, понять её слабые стороны и одержать над ней победу, водка неуязвима, – пояснила я, – потому что для тебя она самая желанная избранница. Ради неё ты пойдёшь на всё, лишь бы получить нужное расслабление. Ты не считаешься ни с чем, превратив за дозу спиртного существование тех, кто живёт бок обок с тобой, в крошечный ад.

– Ах ты, фантазёрка! Тебе бы только романы писать! – усмехнулся Сергей.

– Причём тут романы? – пожалала я плечами, – я совсем о другом речь веду.

– Хватит болтать! – неожиданно перебил меня Сергей,

а потом с явной опаской поинтересовался, – Надеюсь, кроме меня, ты никому больше такие мысли не высказывала?

– А что? – спросила я.

– Просто не нужно выносить сор из избы, рассказывая людям о нашей жизни, – ответил Сергей.

– Если не выносить сор из избы, в ней станет грязно! А уж, если нести сор в избу, тем более, – заключила я.

– Я его и не несу, – насупился Сергей.

– Несёшь! – вздохнула я, – ты постоянно пьян, а близких людей используешь вместо тренажёра, чтобы сбросить негатив. А это хуже всякого сора!

– Что поделать? Жизнь такая! Иначе в ней долго не протянешь, – хмуро ответил Сергей.

– Ну какая, такая? – всплеснула я руками, – я тоже живу в такой же жизни и не пью!

– Но ты же не руководитель огромного предприятия, как я! – вскинулся Сергей, – и тебе не несут то и дело поллитровки, чтобы обмыть получение новой квартиры или путёвки на отдых, например!

– Не вижу связи! – непонимающе пожала я плечами.

– А тут и видеть нечего! – нахмурился Сергей, а затем пояснил, – Мои подчинённые не могут не отблагодарить меня за те льготы, которые я распределяю между ними по роду своей деятельности. А поскольку я никогда не беру взятки с них, мне волокут в кабинет бесконечные бутылки счастливые обладатели материальных поощрений, а затем предлага-

ют выпить за новоселье или за предстоящий отдых. Когда же я пытаюсь отказаться от совместного распития, они обижаются: «А! Выбился в начальники, нос теперь воротить! Нас, работяг, за людей не считаешь!»! Вот мне и приходится составлять им компанию, потому что я не могу отказать такому вот трудяге, который другого способа отблагодарить меня не знает.

– Ну и напрасно! – ответила я, – Ведь именно твоя безотказность тебя до беды может и довести.

Не зная, что ответить, Сергей внезапно разозлился, и хлопнув дверью, ушёл на улицу.

«Скатертью дорога»! – раздражённо подумала я и снова принялась пить уже весьма остывший кофе.

Потягивая бодрящий напиток, я невольно задумалась.

«Отчего так странно сложилась моя жизнь? – спросила я себя, переключившись на другую тему, – Зачем Сергей на мне женился? Ведь, судя по его выходкам, он никогда не любил меня».

В этот момент муж неожиданно вернулся домой.

– Ты во многом права. Я должен завязывать с пьянками, – грузно опустившись на диван, сказал он.

– Тебе же самому от этого будет лучше, – ответила я, а потом спросила, решив получить ответ на вопрос, который только что себе мысленно задала, – Серёж, зачем ты живёшь со мной?

– Ты – моя жена, поэтому и живу, – настороженно глянув

на меня, ответил он.

– Но я же всё время вызываю у тебя приступы ярости. Порой, мне кажется, что ты готов убить меня. Зачем тебе нужна такая жизнь? – не отступила я.

Сергей пристально посмотрел на меня.

– Мне посоветовал уролог, после того, как я вылечился от простатита после той поездки за новогодними ёлками в лес, что мне необходимо жениться на девственнице, для того чтобы не стать импотентом. А ты как раз ею и оказалась, – вдруг разоткровенничался он.

– Что?! – оторопела я.

Когда смысл его слов дошёл до меня, моему возмущению не было границ.

– Да, как ты посмел так бессовестно использовать мою жизнь?! – воскликнула я, поняв, что была обманута Сергеем в самых лучших чувствах, – Ведь таких прав тебе никто не давал!

А сама подумала: «Ишь, ты! Прикинулся мягким и пушистым, чтобы обольстить такую дурочку, какой я была, только затем, чтобы остаться дееспособным мужчиной. А я и уши развесила, приняв его ухаживания за чистую монету»!

Сказать, что я разозлилась – это ничего не сказать.

«Нет! Пока я ещё молода и красива, – решила я, – мне нужно начать строить отношения с другим мужчиной».

Невзирая на то, что моя мать весьма негативно отнеслась к тому, что у неё появился внук, зов крови всё-таки победил в ней боязнь выглядеть в глазах мужа бабушкой. После долгих сомнений она всё же приехала к нам, чтобы познакомиться с Колей. Только она надолго не задержалась. Не успела новоявленная бабушка от души потискать внука, как за ней приехал Влад, и она покорно последовала за ним.

Но тем не менее мы всё время перезванивались. В итоге мы договорились с мамой, что летом сможем погостить с сыном у неё. Правда, вскоре она изменила своё мнение.

– Ой, Васька, уж и не знаю, получится ли тебе с Колей приехать, – неуверенно сказала она в одном из телефонных разговоров, – я боюсь, что он будет мешать Владу. Ведь он ещё совсем маленький. С ним много хлопот. А Владик привык комфорту.

«Так! – сразу поняла я, – моя поездка может из-за капризов маминого мужа накрыться медным тазом. А я так уже размечталась отдохнуть немного»!

Но я решила не сдаваться. Моё желание во что бы то не стало выбраться из того ада, в котором я жила, граничил уже с какой-то манией. Поэтому я приложила все силы, чтобы добиться маминого согласия на наш с Колей приезд. А добившись его, я на радостях стала порхать по дому, как весёлая птичка. Мне вдруг показалось, что благодаря этой поездке, в моей жизни непременно произойдут необыкновенные события. Сначала это предчувствие было весьма смутным.

Но в конце концов я ощутила твёрдую уверенность в том, что очень скоро наступят большие перемены в моей судьбе.

– Что это ты такая весёлая? – хмуро осведомился Сергей, видя как я от радости вся сияю.

– Я чувствую, что скоро произойдёт что-то очень хорошее, – простодушно ответила я.

После этого признания в воздухе повисла немая пауза. А следом Сергей резко изменил своё поведение. Первым делом он прекратил пить. То есть – вообще.

Это пошло ему на пользу. Его лицо разгладилось, со щёк сошла нездоровая одутловатость, а его глаза, помутневшие от непомерного употребления спиртного, снова налились небесной синевой. Сергей стал мне помогать по хозяйству. А ещё он вдруг очень полюбил играть с сыном.

– Тра-та-та, тра-та-та, мы везём с собой кота. Чижика, собаку, кошку-забияку, – держа Колю за ручки, принимался он напевать ему смешную песенку.

Да так у него это здорово получалось!

– Вот уж и не знала, что ты умеешь так хорошо петь, – сказала я как-то Сергею.

В ответ на мою похвалу, он застенчиво улыбнулся и вдруг разоткровенничался:

– Так я же окончил музыкальную школу с отличием по классу баяна. Поэтому прекрасно знаю, как правильно это делать.

«Вот так чудеса! – искренне удивилась я, – А я и не подо-

зревала, что Серёжа имеет музыкальное образование! Прямо, тайны Мадридского двора какие-то!»!

Наблюдая за мужем, мне вдруг ничего не захотелось менять в своей жизни.

«Не натворить бы мне сдуру глупостей! – подумала я, – Зачем искать добра от добра?»

Но не успела я так подумать, как червячок сомнения закрался мне в сердце, не дав мне расслабиться относительно примерного поведения Сергея.

Как всегда, предчувствия меня не обманули. В этот же вечер он еле приполз домой. Вернее, его привезли какие-то люди к подъезду на незнакомом автомобиле, из недр которого они и вынесли мужа. Он был невменяем. Его ноги волоклись по земле, а кудрявая пепельно-русовая голова безвольно моталась из стороны в сторону.

Увидев эту картину из окна, я тотчас сообразила, что медлить нельзя. Ведь я не хотела, чтобы наши не в меру любопытные соседи увидели Сергея в таком безобразном виде. Я мухой метнулась в сторону входной двери и отворила её. Товарищи мужа внесли его в дом и швырнули, как куль с дерьмом на диван. Он даже не охнул, тюкнувшись лицом в обивку. Потом, смущённо извинившись, они удалились прочь. А я осталась один на один с мертвецки пьяным супругом, источающим тошнотворные алкогольные миазмы на весь дом.

В начале июля у моей матери намечалось грандиозное празднование дня её рождения. Я решила приурочить свой приезд с сыном к этой славной дате. Чтобы отвезти нас с ним до места назначения со всем необходимым Коле скарбом, Сергей договорился с одним из знакомых, чтобы тот за приемлемую плату доставил нас к маме на его автомобиле. Кроме коляски, кровати, игрушек и кучи забавных детских одежонок я решила взять с собой ещё и внушительный продуктовый запас.

Где-то за неделю до великого переселения я принялась, словно сказочный конь Савраска, бегать по продуктовым магазинам, сметая с их полок всё подряд. Ведь я не хотела быть бедной родственницей, живя у мамы. Я не запаслась лишь картошкой. Потому что знала, что в ней моя мать не испытывает недостатка. Неожиданным образом, заделавшись великой огородницей, она забила этим корнеплодом обширный погреб, построенный Владом под полом его гаража, внешне больше смахивающего на ангар для самолёта, нежели на помещение для парковки легкового автомобиля. Благодаря стараниям мамы, тут хранился не только картофель. Здесь, на деревянных стеллажах в трёхлитровых банках стояли всевозможные консервы. Их было так много, что ровные ряды стеклянных ёмкостей высились до самого потолка. Ни с того, ни с сего моя мать настолько увлеклась выращиванием всевозможных овощных культур, что стала фанатом сельского хозяйства. Она теперь практически всё

лето проводила на своём земельном участке, любовно возделывая его. Наш, в прошлом заброшенный огород, теперь стал неузнаваем. Вместо унылой, заросшей бурьяном полоски земли, теперь, куда не кинешь взор, глаз радовали аккуратные грядки и ягодные кусты вдоль забора. А среди всего этого великолепия, словно стеклянные монстры, высились слегка косоватые парники, в которых мама с научным подходом выращивала помидоры и огурцы. С подачи Влада, постоянно фонтанирующего безумными идеями, часть забора была вынесена вглубь лесного массива, образовав на территории участка небольшую полянку. В её центре он поставил, найденный на ближайшей помойке, слегка проржавевший мангал, а ещё старый обшарпанный стол и древние кривые стулья, завалившиеся с незапамятных времён в убогом сарайчике, расположенном на краю огорода. Здесь же был сооружён навес из полиэтиленовой плёнки, на случай дождя.

Подготовив таким образом плацдарм для бесконечных попок, которые обожал Влад, каждый вечер на полянке, отвоёванной у дикого леса, разводился костер, на углях которого жарились шашлыки и выпивалось огромное количество алкоголя. А потом всё это чревоугодничество запивалось чаем из целебных трав, которые росли тут же, возле парников. По заведённой традиции, Влад ставил закопченный, пузатый, в прошлом, зелёный эмалированный чайник томиться на угасающих углях. А потом отпаивал объевшихся до потери сознания гостей, этим ароматным напитком.

Вот примерно по такой программе намечалось отпраздновать мамин день рождения.

Предвкушая его, я заранее радовалась предстоящему торжеству. Поэтому, сев в подъехавший к подъезду нашего дома автомобиль, я в отличном настроении отправилась в путь.

30 глава

Мама разместила нас с Колей в дальней комнате, в которой я провела детство и юность. Моё сердце приятно защемило, после того как я вошла туда. А душа, измученная непростой замужней жизнью, словно ожила, встрепенулась и распахнула сложенные и слегка помятые крылья. «Неужели я дома!» – прослезилась я от счастья, которое омыло моё уставшее сердце, словно морские волны сухой песок.

Невольно всхлипнув, я улыбнулась. «Наконец-то, я хорошенько высплюсь, – наивно понадеялась я, – мама конечно же поможет мне по уходу за Колей. Она ведь, наверное, давно мечтает понянчиться с внуком».

Смахнув с ресниц нечаянные слёзы, я собрала кровать сына и уложила его в неё спать. А потом чуть ли не вприпрыжку выскочила в гостиную. Правда там я никого не обнаружила. Повертев головой, я услышала какой-то шум на кухне и направилась в его сторону. Шурша пакетами, мама разбирала там мои кошёлки. Убрав в холодильник быстро портящиеся продукты и разложив на полках кухонных шкафчиков остальной съестной запас, она даже не поинтересовалась,

как я намереваюсь всем этим воспользоваться.

– В доме уже есть готовая еда, а то, что ты привезла, приготовим потом на костре в другие дни, – распорядилась она, поймав мой вопросительный взгляд.

– Ну на костре, так на костре, – не желая спорить, согласилась я.

После того, как все мои припасы были благополучно размещены, мы с видом выполненного долга отправилась с мамой в гостиную.

– Хочешь я покажу тебе, что мне подарил на день рождения Владик? – спросила она, подойдя к старинному серванту, в витрине которого, пуская радужные отсветы в разные стороны, сверкали хрустальные рюмки, вазочки и салатники, презентованные маме благодарными больными за эффективное лечение и хорошее отношение к ним.

– Конечно, хочу! – воскликнула я.

Отодвинув один из ящичков серванта, мама достала из него две бархатные коробочки синего и бордового цвета, а потом открыла их и протянула мне. Когда я заглянула внутрь, то ахнула. В одной коробочке лежало золотое кольцо. По форме оно напоминало ежевику. Крупные прозрачные бесцветные камни переливались холодными искрами, словно выпавший первый снег, на фоне атласной подкладки. Во второй коробочке находился ювелирный гарнитур, состоящий из крупного кольца и серёг. Насколько я помнила, дизайн, в котором он был выполнен, назывался «Малинка».

В центре каждого предмета сиял довольно-таки большой синий сапфир-кабошон. Его обрамляли бесцветные камни.

– Это бриллианты, – увидев мои восхищённые глаза, сказала мама, показав мне в качестве подтверждения бирки, которые были прикреплены к украшениям.

На них значились характеристики камней. Судя по ним, бриллианты были чистейшие, высшего класса.

– С ума сойти! – восторженно воскликнула я, а потом спросила, – сколько же вся эта красота стоит?

– Дорого, – ответила мама без особого энтузиазма и прерывисто вздохнула.

– Счастливая, – улыбнулась я, прикидывая в уме, что такой подарок потянет на очень большую сумму.

А потом подумала: «Откуда у обычного водителя взялись такие огромные деньги? Даже при беглом подсчёте стоимость этих украшений может быть равна стоимости небольшой квартиры».

Мне это показалось подозрительным. А ещё мне показалось странным, что Влад подарил маме два подарка.

«Словно хотел вложить деньги в эти драгоценности», – мелькнула в моей голове догадка.

– Да мне что-то не очень всё это нравится, – словно прочитав мои мысли, снова вздохнула мама.

– Почему? – не поняла я.

– Не знаю, – ответила она, – просто не по душе мне такие дорогие украшения. Их даже надеть страшно. Куда я в них

буду ходить?

– Да на работу! – воскликнула я, – или в театр. Ты же любишь всевозможные спектакли смотреть.

– Я-то люблю, – потупилась мама, – а вот Владик не очень. Его туда на аркане не затащить. Он лучше «Чапаева» по телевизору в сотый раз будет смотреть или «Волгу-Волгу».

– Тогда не знаю, – растерялась я, а потом сказала, – главное, что подарок классный, а что с ним делать и куда надеть, ты уж потом сама решишь.

31 глава

На следующий вечер, на полянку, заменяющей Хрусталёвым банкетный зал, была приглашена целая толпа гостей. Среди них был даже один очень известный артист, который в этом году стал пациентом мамы, и благодаря её врачебным усилиям, успешно восстанавливал, пошатнувшееся на подмостках сцены, здоровье.

«Ах! Как мне не терпится попасть в эту интересную компанию!» – предвкушая незабываемый вечер, восторженно думала я.

– Как мы поступим с Колей? – деловито спросила я маму, собираясь на банкет.

– Вы останетесь дома, – смущённо пряча глаза, ответила она, – а поесть я тебе принесу сюда потом.

– Но, мама, – возразила я, – почему в твой день рождения я должна сидеть в четырёх стенах? Если дело в Коле, то

уверяю тебя, он никому не помешает! Поставим его коляску возле кустов смородины и он уснёт на свежем воздухе так крепко, что его и пушками нельзя будет разбудить!

– Об этом не может быть и речи! – отрезала мама, а потом внезапно взорвалась, – Я не желаю, чтобы мои гости видели Колю. Все сразу поймут, сколько мне лет! А я не хочу этого!

Услышав такой ответ, я погрустнела, поняв, что семейный праздник для меня отменился.

Когда за окном наступили душистые июльские сумерки, до меня через открытую балконную дверь стали доноситься запахи костра, шашлыка и раскаты заразительного смеха. Почувствовав, что проголодалась, я решила не ждать обещанного угощения. Покормив Колю, я отправилась на кухню и, открыв холодильник, принялась сооружать себе независимый ужин. Я приготовила бутерброды, заварила чай и славно поужинала в одиночестве, устроившись напротив телевизора.

В пол-уха слушая его тихое бормотание, я почувствовала, как моя бурная радость, связанная с приездом в родные пенаты, заметно ослабла. На дно моей души выпал неприятный осадок разочарования. Мне было очень обидно осознавать, что моя мать отказалась видеть меня за праздничным столом среди своих друзей, из-за того, что она стыдиться внука.

Правда ближе к полуночи обо мне всё же вспомнили. Проводив гостей, мама с Владом вернулись домой. Оба они были в хорошем настроении и сильно подшофе. В руках мама

держала эмалированную миску, измазанную пеплом от костра, в которой лежали, подгоревшие куски шашлыка, больше похожие на обугленные шматки сала, чем на праздничное угощение. Сверху их прикрывали листья завядшей зелени и два толстых куска зачерствевшего белого хлеба. Но я была сыта, да и есть на ночь малосъедобный на вид шашлык мне не захотелось. Пожелав маме и Владу спокойной ночи, я, буквально засыпая на ходу, направилась в комнату, в которой меня поселила мать. В данный момент мне хотелось только одного – спать. Я и не чаяла уже дождаться того момента, когда смогу опустить голову на подушку и смежить веки.

Мама между тем внезапно обиделась на меня.

– Сию же минуту прекрати изображать из себя Казанскую сироту! – капризно надув губы, бросила она мне в спину, – немедленно вернись, выпей вина за моё здоровье и поужинай тем, что мы тебе принесли.

– Я поем завтра, – отозвалась я, еле сдержав зевок, – уже слишком поздно, чтобы есть мясо.

Не видя ничего зазорного в своём отказе, я скрылась в своей комнате. Быстро раздевшись, я рухнула под одеяло и мгновенно провалилась в сон. Но мама с Владом решили продолжить банкет. Осушив ещё одну бутылку водки на двоих, они занялись сексом, да так шумно, что разбудили меня, уже было задремавшую. Испугавшись, что своими страстными воплями они разбудят сына, я подошла к его кровати.

Но он мирно спал.

«Какой же ты у меня славный», – умилившись, подумала я и погладила Колю по похожим на завитки ковыля, шелковым волосам, отливающим золотом в ярком свете луны, пробивающимся сквозь тюль.

Вернувшись в кровать, я ещё долго не могла сомкнуть глаз, до тех пор, пока моя мать и её муж не утомонились.

32 глава

Утром мама перед тем, как отправится на работу, распорядилась:

– Приготовь к моему возвращению обед, помой пол и сходи к соседке. У неё есть корова. Будешь покупать молоко для Коли. Я договорилась с ней накануне твоего приезда.

Правда в мои планы приготовление пищи на всю семью и уборка квартиры не входили. Я в первой половине дня собиралась погулять с сыном и подышать свежим воздухом. Но отказать маме я не смогла. Уж так я была ею воспитана.

«Ладно, всё сделаю, что она велела, – подумала я, – времени у меня много».

Так я снова неожиданно для себя закрутилась по хозяйству. Отдраив квартиру, я постирала Колины ползунки. Сварив борщ, я пошла к соседке. Когда я вернулась домой, держа на одной руке сына, а в другой бидон с молоком, мама с Владом уже обедали.

– Вкусно? – приветливо спросила я, проходя мимо них

на кухню, чтобы поставить в холодильник молоко.

Но меня даже не удостоили ответом. Отобедав, мама и Влад положили грязные тарелки в раковину и ушли на фазенду (так с недавнего времени, стал называться мамин огород).

«Что за странный бойкот»? – удивилась я, слегка озадаченная их молчанием.

Но я решила не придавать этому большого значения. Я покормила Колю кашей, наскоро поела сама, помыла посуду и отправилась на прогулку. Бодро толкая перед собой по знакомым с детства аллеям санатория коляску, в которой спал мой сын, я, забыв все свои печали, от души радовалась жизни.

Надо сказать, что июль в этот год выдался знойным. Воздух, словно загустел от жары. Поэтому я решила свернуть по протоптанной отдыхающими санатория дорожке, в сторону леса, чтобы укрыться там в спасительной тени деревьев от палящих лучей солнца.

Минув полянку, на краю которой росла белоствольная берёза, я остановилась, чтобы перевести дух, а потом протянула руку и погладила ладонью, испещрённый чёрными, словно тире, чёрточками, нагретый жарким июльским солнцем ствол. Мимо меня пролетела, деловито жужжа, мохнатая пчела и виртуозно спланировала на лесную ромашку в поисках нектара.

В этот момент на меня вдруг нахлынули воспоминания. Я

вспомнила свою первую любовь. «Виталий, – мысленно позвала я его, – где ты сейчас?»

Перед моим внутренним взором возник образ молодого человека, с которым я давным-давно училась в школе.

«Как же я была влюблена в тебя когда-то!» – подумала я, представив его глаза цвета перезрелых вишен, и мне даже послышался его голос:

– Привет, Василиса!

Я ошеломлённо замерла, а потом обернулась, и моя челюсть отвисла от изумления. Передо мной стоял Виталий собственной персоной и белозубо улыбался.

– Вит? – растеряно пробормотала я, а потом, спохватившись, поздоровалась, – Привет!

А сама ошарашенно подумала: «Ничего себе совпадение»!

– Ух! Какая ты стала! – между тем, оглядев меня с ног до головы, сказал Виталий.

– Какая? – слегка напряглась я.

– Ещё красивее, чем была, – не скрывая восхищения, ответил он.

– Ну уж прямо, красивее... – потупилась я, окончательно сконфузившись.

– Настоящая Василиса Прекрасная из сказки, – улыбнулся он.

– Скажешь тоже – Василиса Прекрасная! – заливаясь краской, смущённо проворчала я.

– Именно! У тебя прозвище было такое, тебя в классе так называли, – пояснил он, – А ты не знала?

– Нет, – смутилась я, совершенно растерявшись.

– Ты была самой красивой девочкой в школе, – снова пояснил Виталий.

– Спасибо за комплимент, – польщено поблагодарила я.

– Это не комплемент! Это – чистая правда! – ответил он, – ибо комплементом считается небольшое преувеличение достоинства. А я ничего не преувеличиваю.

– Благодарю, – засмеялась я.

– Кто у тебя там в коляске? – между тем спросил Виталий.

– Сын, – улыбнулась я.

Виталий нагнулся, чтобы поближе рассмотреть Колю. Под трикотажной тканью белой тенниски, надетой на нём, чётко обозначились его рельефные мышцы.

– А ты прямо качок! – восхитилась я.

– Да, – распрямившись, отозвался он, – держу форму.

– Молодец! – похвалила я, – мужчина, который следит за собой – это очень здорово!

– Слушай! А ты, где вообще обосновалась? – сменил тему Виталий.

– Я? В Москве, – ответила я, а потом пояснила, – а здесь я у мамы гощу. А ты?

– Я тоже живу в Москве, правда у родственников, но это всё равно как дома, – почему-то обрадовался он, а потом неожиданно предложил, – продиктуй мне свой номер теле-

фона. Я тебе позвоню. Ты не против?

– Нет, – засмеялась я, – не против.

Забив мой номер в память своего мобильного, Виталий неожиданно заторопился.

– Я родителей навещал. Завтра на работу, – сказал он, – побегу, чтобы не опоздать на электричку.

– Ну, беги! – вместо прощания сказала я.

– Пока! – ответил он и свернул на тропинку, ведущую к автобусной остановке.

33 глава

Как только спортивная фигура Виталия скрылась за поворотом, я направилась к дому.

«Как же он хорош собой!»! – подумала я, вздохнув украдкой.

Мне вспомнилось как я тайно страдала по нему. А он, словно бы не замечал меня. Я же стеснялась показать ему своё равнодушие.

«Да что уж теперь? – снова вздохнула я, заботливо поправив в коляске одеяльце Коли, – я замужем, у меня есть сын. Я не имею права даже смотреть в сторону Вита».

В этот момент я подошла к подъезду.

Поднявшись на третий этаж по лестнице, с сыном на руках, я вошла в квартиру, мысленно прикидывая, какую кашку сварю сейчас Коле. Достав из холодильника бидон, который полным до краёв принесла утром, я обнаружила, что он

почти пуст.

Сначала я оторопела. А потом подумала, растерянно глядя на жалкие остатки молока, плещущиеся на дне: «Чем же я накормлю сына»?

А пока я размышляла, как решить эту задачу, моя мать пришла с фазенды.

– Мама, – обеспокоено спросила я, – куда делось молоко, которое я купила утром?

– Его выпил Владик, – не моргнув глазом, ответила она.

– Два литра? – изумлённо охнула я, не веря ушам.

– Два литра, – подтвердила она.

– Что же он Коле ничего не оставил? – чуть не плача, спросила я, – чем же я теперь накормлю сына?

– Значит, нужно было покупать три литра, а не два, – назидательным тоном сказала мама, снимая уличную обувь в коридоре, а потом как бы, между прочим, добавила, – Но, учти: завтра молока не будет. У соседки много клиентов, и она согласилась продавать нам его через день.

– Что?! – потрясённо воскликнула я, – и твой муж, зная об этом, опустошил весь бидон?

– Я не понимаю, почему Владик в чём-то должен себя ограничивать, – раздражённо ответила мама, – ему необходим кальций, фосфор и витамины. А ещё полноценный белок, который содержится в свежем молоке. Поэтому в том, что он выпил столько молока ничего странного нет.

«В этом доме, что? Завёлся ещё один грудничок?» – слу-

шая её неубедительные доводы, поразилась я, неожиданно представив в ярких красках плечистого Влада со слюнявчиком на шее, жадно поглощающего через резиновую соску из детской градуированной бутылочки коровье молоко, и еле сдержалась, чтобы не хихикнуть.

А потом я страшно возмутилась: «Меня совершенно не волнует, что ест Влад! Я не для него покупала молоко, а для сына! И, если он так нуждается в кальции и витаминах, то пусть тратит на это свои деньги, а не мои»!

Но вслух ничего не сказала, поняв, что моя мать становится слепой и глухой, когда речь идёт о её муже.

«Ах! Сколько волка не корми, он собакой всё равно не станет», – в сердцах подумала я.

– В этом доме хозяин – Владик, – тем временем тоном, не терпящим возражений, заявила мама, – поэтому он будет себя вести так, как считает нужным, и питаться тем, чем пожелает. Если ему захочется молока, то он будет пить молоко столько, сколько захочет.

«С чего это вдруг Влад потянуло на молоко? – ухмыльнулась я, – насколько я знаю, наш принц специалист по более взрослым напиткам. По водочке, например».

А потом, мысленно оценив размеры катастрофы, я пришла к выводу, что всё не так страшно как кажется.

«На сегодня мне хватит остатков молока, чтобы сварить кашку сыну, – решила я, – а завтра я куплю пару литровых пакетов в магазине».

34 глава

На следующий день, донельзя умаявшись по хозяйству, я решила пораньше лечь спать. Расстелив постель, я положила Колю рядом с собой. Нежно обняв его, я и не заметила, как погрузилась в сон.

Разбудили меня звуки шумной попойки, которые доносились из гостиной.

«Как же Влад с мамой часто выпивают! – услышав их пьяные голоса, подумала я, всплыв из царства Морфея на поверхность яви, – так и до цирроза легко допить».

Я прерывисто вздохнула, вспомнив, как однажды заикнулась было, чтобы предостеречь маму от последствий их разгульного образа жизни, но она выразила такой бурный протест, что я тотчас прикусила язык.

– Ты мне завидуешь, поэтому пытаешься смешать с грязью нашу любовь! – встала на дыбы она, – и тебя бесит, что твой муж – Сергей, а не Влад!

– Чего?! – удивилась я, а потом, хмыкнула, – А чем Влад лучше Сергея?

– Да всем! – скривившись в презрительной улыбке, бросила она, а потом заключила, – он добрый, весёлый, красивый и невероятно сексуальный. Просто мечта любой женщины.

«Не зря говорят: любовь – зла, полюбишь и козла, – подумала я, – и впрямь, в глазах влюблённой женщины типичная посредственность легко может превратиться из некраси-

вого, неумного и плохо воспитанного человека в идеального мужчину, который вняв восторгам супруги, в конце концов искренне сам поверит в своё совершенство. А потом решит, что ему всё можно».

Вот и Влад поверил в свою неотразимость. Возомнив себя крутым мачо, с недавних пор он стал ходить по дому, в чём мать родила, совершенно не обращая внимания на моё присутствие. А когда однажды, я сделала ему замечание, он ответил, расплывшись в самодовольной улыбке:

– Тело должно дышать!

– Пусть дышит, когда ты дома один, – немного сконфуженно ответила я.

– А что тебя смущает? – прищурился хитренькие глазки, спросил он, – раздевайся сама, будем вместе принимать воздушные ванны. Это ведь так полезно!

– Я не нудистка, – отрезала я, – и не эксгибиционистка.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами Влад, – а я люблю, ходить без ничего. Так я чувствую себя необыкновенно свободным.

– Хоть бы меня постеснялся, – проворчала я, решив не продолжать этот бесполезный разговор.

– Мне стесняться нечего, – обиделся он, – Любочка говорит, что у меня красивое тело и прекрасная фигура.

– Ну вот пусть она и любит тебя, – буркнула я, уйдя в свою комнату, – мне это ни к чему.

Но Влад решил не останавливаться на этом.

– Ася, – через пару минут услышала я его сладенький тенорок, – иди сюда! Посмотрим вместе кино. Я тут кое-что отыскал интересненькое.

Я выглянула из комнаты. Одного взгляда на монитор мне хватило, чтобы всё понять.

– Я порнуху не смотрю, – отказалась я.

Но Влад оказался прилипчивее репейника.

– Почему? – картинно удивился он, вальяжно развалившись в кресле.

– Потому что перпендикуляр! – схатила я и собралась снова удалиться в свою комнату.

– Ну не кривляйся! Иди сюда! – заканючил он, – здесь такой сюжетец разворачивается!

– Отстань, – отмахнулась от я него и прикрыла за собой дверь.

«Вот урод», – сердито подумала я, а потом постаралась забыть этот досадный эпизод.

Но не тут-то было! Перед приходом мамы с работы Влад, пряча бегающие глазки, попросил:

– Ася, ты Любочке не рассказывай, что я звал тебя смотреть этот фильм, а то она меня убьёт.

– Мог бы и не просить об этом, – снисходительно ответила я, – я ей и не собиралась ничего говорить.

Но, как потом выяснилось, я зря дала обет молчания. Влад сам рассказал маме обо всём.

– Это правда? – устроила она мне допрос с пристрастием.

– Да, – подтвердила я, – и раз это перестало быть секретом, то скажу, что я отказалась от просмотра.

– Ну, хорошо, – едва слышно пролепетала мама посеревавшими губами, – молодец, что отказалась.

Влад тем временем поспешил смотаться на огород, захватив с собой бутылку водки. Там он присосался к ней и не успокоился до тех пор, пока полностью не опорожнил. Через час он вернулся весьма тёпленький назад, и как я поняла немедля потребовал от мамы секса.

– Вася, иди погуляй с Колей, – смущённо попросила она, войдя в мою комнату, – Владика вечером ехать на работу в ночную смену, а пока вы дома, он не сможет полноценно отдохнуть.

В этот момент за окном хляби небесные с треском разверзлись, и на землю обрушился мощный ливень.

– Мама, но на улице льёт, как из ведра! Куда же я пойду? – запротестовала я, – да и Коля уже заснул.

– Так разбуди его! – с пол-оборота начала заводиться она.

– Да ведь там просто потоп начался! – в отчаянии воскликнула я, глядя на водяную завесу за окном.

– Ничего! Не растаешь, – фыркнула мама, сунув мне пёстрый зонтик в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.